

18+

ТАК ПОКАЙСЯ ЖЕ, АНФИСА!

СВЕТЛАНА ЛАНЦОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Светлана Ланцова

Так покайся же, Анфиса!

<https://litres.ru/73825431>

SelfPub; 2026

Аннотация

Внимание, внимание! На горизонте абсолютное клише в жанре "служебный роман"! Уничтожим глупые стереотипы или сделаем их такими, чтобы невозможно было оторваться? Надо вывести решение путём эксперимента. Назначаю ответственными за проект Анфису Сергеевну и Марка Владимировича, отчёт к концу месяца мне на стол. Остальные – покайтесь, пока не натворили дел! Особенно это касается тебя, Анфиса! Эй!.. Ты вообще меня слышишь?!..

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Японец	5
Глава 2. Коллега	25
Глава 3. Дай бог сил и терпения!	44
Глава 4. Обнуление	63
Глава 5. Привет, Анонимка	82
Глава 6. Мокрые следы	103
Глава 7. Угадай, что покажу	121
Глава 8. Кис-кис-кис	137
Глава 9. Смех и грех	155
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Так покайся же, Анфиса!

Предисловие

Все герои, места и события выдуманы от начала и до конца. Любые совпадения с реальностью — чистая случайность, и не более того. В книге встречается нецензурная лексика. И этому есть простое объяснение: персонажи живые и разговаривают так, как им свойственно. Автор при этом не поддерживает их мнения и поступки, не оправдывает их, а сохраняет нейтральную и непредвзятую позицию. Кроме того, в тексте есть сцены жестокости и травматизации. Эта книга не ставит своей целью оскорбить чьи-либо чувства или нарушить чьи-либо права.

Глава 1. Японец

— Мерседес, Бэ-эм-вэ, Мерс, ещё Мерс... — Клара Миланова расхаживала по парковке Научно-исследовательского института, рассматривая красивые машины. — Фиса, глянь! Красный спорткар!

Анфиса Свитская — невысокая и худощавая, с копной светлых кудрей, оттеняющих карие глаза за массивной чёрной оправой. На ней висело синее худи: такое большое, что казалось, девушка тонула в нём. Она заинтересованно глянула в ту сторону, куда указала подруга:

— И о чём это говорит?

— Не знаю. Хочу их к себе в гараж.

Клара улыбнулась во все тридцать два зуба, уперев руки в боки перед Свитской. С учётом того, что в свои двадцать три Миланова выглядела как типичная девочка-карлик с радужными волосами, смотрящая ночью сериалы и фанатеющая по корейским мальчикам, рядом с Анфисой, словно сошедшей с чёрно-белых страниц комиксов, она выглядела комично.

— Мы бедные родственники, какой гараж? — резонёрка усмехнулась, похлопывая по свисающей с плеча серой сумке для ноутбука. — Вся моя з/п ушла на этого красавца.

Девушки и правда жили небогато — не то, чтобы бедствовали, даже напротив, но на своё жильё средств не хватало. Так что, когда бывшие одноклассницы столкнулись в

коридорах НИИ в первый рабочий день, решили скинуться и снять квартиру поближе к институту. Они понимали, что в ближайшие пару лет не смогут уволиться из-за учёбы в тамошней аспирантуре, а квартира рядышком, несомненно, упростит жизнь. Но в центре цены на съём, как жабы в масле — ухватить хорошую и мясистую ещё умудриться надо. Благо мама Клары подсуетилась и связалась со своей старой учительницей, имеющей жильё в том районе. Сейчас старушка живёт с детьми в Канаде и по старому знакомству уже подписала договор с девушками на выгодных условиях. Обе стороны пожали руки и остались довольны сделкой.

И вроде бы денег должно было остаться много, но Анфиса, как самая обыкновенная жадная, чокнутая трудоголичка, тратила всё на обучающие курсы, повышение квалификации и доставку еды в офис. И на обучение младшей сестры, которая смогла поступить только на платку — не хватило пяти баллов до бюджетного места, её обогнал олимпиадник с 305 баллами по ЕГЭ.

О да, говоря о трудоголизме. По международной классификации МКБ-10 он не проходит, но один добрый одноклассник Анфисы, поступивший в аспирантуру по психиатрии, как-то сказал: «Да ты больная, подруга. Это болезнь. У тебя вообще есть личная жизнь?!» После того разговора не менее добрая Анфиса заблокировала этого «добряка» во всех мессенджерах и отправила жалобу на страницу в соцсетях с пометкой «распространение детской порногра-

фии». Зато одnogруппник познал смысл фразы «бить ядовитую змею палкой». Хотя не так уж он и был далёк от правды: Фиса это знала, отчего злилась ещё больше. Её режим дня был довольно скудным — в свободное время аспирантка либо спала, либо училась, лишь изредка выходя на пятничные попойки с парнем-коллегой из той же лаборатории и его девушкой. Парочка жаловалась друг на друга, а потом все троём повышали градус и болтали несколько часов кряду о жадных капиталистах.

— Фиса? — Миланова обиженно пихнула подругу в плечо. — Опять улетела в фантазии? Ты вообще слышала, что я сказала?

— Повтори, пожалуйста. Я прослушала, — Анфиса сняла запотевшие очки, энергично протирая стёкла.

— Блин, вечно ты... Ну там вот. Повернись на сорок пять градусов. Справа, справа! Он! Я рассказывала, — Клара ткнула пальцем в чёрное пятно неподалёку, потащив Анфису ближе к неопознанной тёмной массе.

Надев очки, Свитская первым делом увидела железного красавца: плавные, гибкие линии, отливающие серебром, ручки, расходящиеся в стороны, как рога быка на корриде. Рот сработал быстрее, чем мозг:

— Классный байк. Японец?

— Да, — сверху раздался приятный мужской голос. Он не был хриплым или излишне низким, а именно таким, как надо — тёплым и комфортным.

Когда мужчина в мотокостюме снял шлем, Анфиса наконец рассмотрела его — чёрные пушистые волосы, лёгкая щетина на подбородке и ярко-голубые глаза. Ослепительно яркие. «*Как у хаски*», — пробежала мысль, отчего Свитская улыбнулась. Анфиса догадалась, кто он, лишь взглянув на смущённую улыбку Клары — это был тот самый «сасный»¹ коллега Марк Рагушев. Тот, который ещё добровольно преподавателем стал. На нижних этажах их НИИ располагалась кафедра биотехнологий, где в основном трудились биофизики, а также стоматологи, заинтересованные в исследовании тканевых конструкторов и биоматериалов для зубных протезов. Анфиса, как аспирантка, тоже должна была преподавать — правда, в добровольно-принудительном порядке.

— Марк, ты домой? — застенчиво спросила Миланова, заправляя выбившуюся прядь за ухо. — Я сейчас пойду за яйцами, уже завтра можно будет провести САМ-тест²...

— Отлично, — Марк запрыгнул на мотоцикл, широко улыбаясь. — Сколько им? Если будут из холодильника, то не бери. Они уже того.

— Хорошо, — Клара, как цыплёнок, закивала головой.

¹ сленговое слово, произошедшее от английского *sassy* (дерзкий, уверенный, стильный)

² САМ-тест (тест на хориоаллантаоисной мембране, Chorioallantoic Membrane assay) — это широко используемый метод *in vivo* (на живом организме), основанный на использовании куриных эмбрионов для изучения биологических процессов, таких как ангиогенез (образование сосудов), рост опухолей, доставка лекарств и проверка токсичности веществ.

— Завтра ещё обсудим.

— Конечно!

Пока троица болтала, мимо пробежала парочка мальчишек-студентов. Держа рюкзаки перед собой, они мчались вперёд, будто от этого зависела их жизнь.

— Семь?! — лохматый парень, бежавший во главе косяка, выглядел как воплотившийся из праха голодный призрак. Причина была отнюдь не в громком урчании живота, напоминавшем рёв трактора, а в том, что он выглядел как человек, спасающийся от катастрофы.

— Д-да! Мы... ха... не.. х-х-ха... успеем! Дав... пешком... прост? — прикрикнул его коротконогий товарищ. Судя по сбившемуся дыханию, краснеющему лицу и пару, чуть ли не валившему из ушей, этому студенту было не лучше.

— Петрухин скорее кишки выпустит, чем пересдачу зачтёт! — сквозь стиснутые зубы проговорил лохматый. Он нёсся вперёд столь отчаянно, что даже в какой-то момент перестал смотреть на дорогу. Как говорится, вижу цель — не вижу препятствий. — Самокат ищи!

— Да тут... нет... х-ха... ни одного! — воспротивился коротконогий, на ходу проверяя карту в телефоне.

— А-а-а, найди тогда!

Тут судьба разложила карты, предсказывая один из факторов падения. Она выбирала между истёртой, скользкой обувью, высокой скоростью бега, тем, что марафонцы совсем не смотрели на дорогу... или всем вышеперечисленным сразу.

На большой скорости поменять траекторию сложновато, поэтому, когда студенты вплотную приблизились к Анфисе, они по инерции врезались прямо в девушку. Сначала рюкзак одного задел её — Свитская отпрянула. А следом второй, будто метеорит, врезался между ней и другом, сбив с ног и без того растерянную аспирантку.

— И-извините!.. — только и крикнул опосля коротконогий. Но на что Свитской их извинения, когда она изящной кляксой упала на Марка и они поцеловались лбами? Гонщик не особо-то цеплялся за мотоцикл, равновесие поддерживал одной ногой, а потому, по закону домино, полетел на асфальт. Японец покосился в его сторону, едва ли не придавив Рагушева к земле.

— Марк! — Клара подхватила махину до того, как она успела приземлиться на байкера. Тот успешно откатился в сторону.

— Я в норме, — вытирая кровь с лица, ответил Рагушев. — Головой слегка приложился.

— Ужас какой! — Миланова прикрыла рот ладошкой. — Надо будет у охраны спросить, кто эти двое, чтобы их потом наказали! Нет, ну надо же такое... — а потом она наконец-то заметила, что её соседка валяется неподалёку на холодном бетоне и шипит от боли, не в силах пошевелиться.

— Божечки, Фиса, сломала?! — Клара тут же присела и, обхватив подругу за плечи, помогла подняться. Анфиса не решалась опереться на больную ногу, поэтому милая соседка

сейчас служила чем-то вроде костыля.

— Фис, Фиса! Сильно больно? Ты как?! — на грани слёз лепетала Клара. — Вам обоим в больницу надо!

— Пиздец больно, извините за выражение. Сама не видишь, что ли? — Анфиса поджала губы, с отвращением трогая распухшую лодыжку.

Скинув ногу, застрявшую на сиденье байка, Марк, пошатываясь, поднялся и подошёл к парочке, различавшейся по настроению, как инь и ян. Анфиса наконец обратила внимание на Рагушева. Она плохо видела лицо мужчины, но красное пятно на загорелом лбу ярко контрастировало с кожей. Интуитивно потянулась к собственному — и правда, под чёлкой обнаружилось нечто влажное и тёплое. Анфиса растёрла кровь между подушечками пальцев и спрятала руку в карман худи, пока никто не видел. Не хватало, чтобы она ещё прикидывалась жертвой маньяка. Марк отлично справлялся с этой ролью и без неё.

— Марк, ты как? Голова кружится?! — заботливо спросила Миланова.

— Забей, — Рагушев отмахнулся от чужих переживаний, как от жужжащей над ухом мухи. — Иди за яйцами, я вызову нам с... — Марк перевёл взгляд на Свитскую.

— Анфиса.

— Нам с Анфисой такси до больницы.

— Но... — сейчас Клара выглядела как побитый щенок, а это, сами понимаете, не лучший образ, чтобы кого-то

в чём-то убеждать. — Давай я хотя бы Фису до машины про-
вожу...

— Нogu повредила? — Марк опустился на колени пе-
ред девушкой и, стараясь не касаться травмированной части,
осмотрел ушиб.

— Чш-ш-ш-ш, — но даже от такого осторожного при-
косновения лицо пострадавшей побелело от боли. Она со
всей силы сжала челюсть, чтобы не скукожиться, как старый
изюм.

— Держи, — тёплая мужская рука вложила очки ей в ла-
донь. Анфиса нервно кивнула и, надев их, захотела выругать-
ся. По стёклам растеклась жирная трещина. На первое вре-
мя она могла купить линзы или ходить, как слепая мышь,
что уж. Всё равно дешевле, чем новые. Нынешние очки Фи-
са купила на вторую зарплату за пятьдесят тысяч — для лю-
дей с астигматизмом и дальновзоркостью в придачу это дело
дорогое.

— Наше такси приехало, — Марк убрал телефон в нагруд-
ный карман. — Семьсот шестьдесят восемь, — пока он го-
ворил это, успел присесть на корточки, чтобы вернуть мото-
цикл в устойчивое положение. — Клара, отведи подругу. Я
скоро подойду.

— Д-да... хорошо, конечно, сейчас...

Клара помогла Анфисе дойти до ворот и сесть в жёлтый
седан. Вскоре, как и обещал, подошёл Марк.

Когда контуженные уже сидели в такси, Миланова спро-

сила напоследок:

— Мне точно не надо ехать с вами?

— Всё в порядке, — слабо ответил Марк.

— Но... — оставшаяся за бортом переминалась с ноги на ногу, не зная, куда податься.

— Иди уже, — Анфиса холодно посмотрела на неё, немного расстроенная, будто старый дед, заставший свою собаку за тем, как она подъедает еду из чужих рук.

Позже, уже в такси, Марк, стирая кровь со лба, сказал то ли таксисту, то ли Анфисе:

— Нам надо в сорок восьмую больницу.

Затем он достал телефон и, нерешительно покрутив его в руках, набрал-таки чей-то номер.

— Привет, Лер. Как дела? А я скоро буду у тебя. Нет, ничего такого... Что? Это не авария... Нет, просто упал, Лер. Успокойся. Да. Да. Я правда в порядке. Со мной ещё коллега, у неё либо перелом, либо растяжение лодыжки, — Марк краем глаза заметил спёкшуюся кровь в волосах девушки. — Нам двоим надо бы голову проверить. Устроишь нас вне очереди, дорогая? Спасибо. Люблю тебя, — и счастливо рассмеялся.

Анфиса не то чтобы хотела подслушивать, но раз они сидели так близко, что, едва пошевелив рукой, могли погрузиться в объятия друг друга, растрёпанная жертва обстоятельств волей-неволей услышала весь разговор: *«У него есть девушка... Он довольно милый мужчина, по крайней мере*

ласков с любимой. Но Клару придётся расстроить».

То ли из лёгкой мстительности, то ли во имя искренней помощи подруге, но Анфиса вознамерилась непременно рассказать об этом факте Кларе и добавить всякие яркие подробности о том, как миленько Марк общался со своей дамой сердца.

У входа в больницу потерпевших встретила та самая Лера — женщина с формами и миловидным кукольным личиком. На ней была голубая хирургичка, белые кроксы и бейджик на груди с надписью: «Корчагина Валерия Владимировна, врач-травматолог».

Первая мысль Анфисы была по делу: *«Кажется, он у неё частый гость. Адреналинщик или просто идиот, который вечно калечится?»*

Вторая же с намёком на веселье: *«Ему нравится такой типаж?.. Совсем не похожа на Клару. Кажется, у неё нет шансов».* Свитская не особо задумывалась, почему её так рассмешила эта новость. Она никогда не отличалась высокой эмпатией.

— Марк, ну как так? Говорила я тебе, бросай этот свой байк! — ведя их по коридорам больницы до рентген-кабинета, ругалась Лера.

А Марк только слабо улыбался, его глаза искрились от счастья:

— Да, да.

Тогда Лера обернулась к Анфисе:

— Ещё и девушку с собой утащил. Паршивец!

— Она коллега. Мы встретились меньше часа назад, — неловко объяснил Рагушев, отчего-то взволнованный больше обычного.

— А разве вы не встречаетесь? — выпалила Свитская в минуту неловкого молчания.

— Что?! Конечно нет! Марк мой старый друг со школы. Потом в мед вместе пошли. И вообще... — Лера подняла правую руку, где на безымянном пальце красовалось золотое кольцо. — Так, мы пришли. Сейчас пациентов нет, поэтому давайте, идите.

— Сегодня Краевский? — спросил Марк, снимая металлические часы с запястья. На лице Анфисы так и было написано «Кто таков?», поэтому он всё же добавил... — Он в параллели учился.

— Марк, давно не виделись! — из застеклённого кабинета вышел тучный мужчина с густой бородой. Увидев засохшую кровь на волосах старого приятеля, рентгенолог хохотнул. — Чё, черепно-мозговая?

— Возможно. У меня до сих пор кружится голова.

Анфиса шокированно взглянула на компаньона. Всё это время Марк выглядел вполне нормально, без подозрения на что-то серьёзное. Свитская вначале даже подумала, что он не так уж и сильно приложился.

Лера положила ей руку на плечо:

— Подождём снаружи.

— Да... — Анфиса растерянно наблюдала, как над белой плотной дверью загорается красная лампочка.

— Что, переживаешь за него?

— Да не то чтобы. Но приложился-то он так сильно из-за меня. Я не самый добрый человек, но у меня всё ещё есть совесть.

Лера усмехнулась и перестала спрашивать.

Когда Марк вышел, пригласили и Анфису. К счастью, перелома не было, да и с головой всё было в порядке. Поэтому, сидя в кабинете Леры, Свитская уже так не переживала.

— Могу выписать тебе больничный на неделю, если нужно. С такой ногой будет сложно ходить на работу, лучше подлечись дома.

— Не надо больничный. Я уже договорилась с начальством, что поработаю эту неделю на удалёнке.

Лера понимающе кивнула:

— Ну да, до сих пор как страшный сон вспоминаю десятку на карте от социального фонда. Тогда всё. Вот заключение и рекомендации. Нужно объяснить подробно или ты знаешь?

— Знаю. Моя младшая сестра играет в баскетбол. Когда она растянула связки, я две недели меняла ей лёд и подушки поправляла, — Свитская скорчилась, будто ей под нос тухлое яйцо поднесли.

— Вы хорошо ладите, — улыбнулась Корчагина, внося данные в компьютер. — А я вот единственный ребёнок в семье. Всегда завидовала Марку и Тёме.

— Кому?

— Ах, ну, — она неловко почесала нос. — Тёма, то есть Артём — это мой муж. Мы втроём выходцы из седьмой группы.

Закончив с обследованием, Марк присоединился к ним в кабинете. Лера заварила чай на троих и достала контейнер с едой. Всё же не просто так она слонялась туда-сюда — девушка угробила свой обеденный перерыв на проблемную парочку. Терпкий вкус чая привёл Анфису в чувства. Отставив пустую чашку в сторону, она посмотрела доктору прямо в глаза:

— Спасибо. Я очень благодарна тебе за помощь.

— Ой, ну чего ты такая серьёзная? Всё нормально, все свои!

Марк прервал подругу, мягко похлопав ту по плечу:

— Нет, Анфиса права. Спасибо тебе, Лер! Ты иди спокойно обедать, а я разберусь с записями. Иди, иди.

— Но... — Леру настойчиво подтолкнули к двери с контейнером в руках, но она никак не унималась, — Вызови Анфисочке такси, хмырь ты несчастный. Кто ж так человека с больной ногой бросает?! Я ей даже костыль достала, в углу там стоит...

— Уже. Приедет через 7 минут, — Рагушев посмотрел на карту в телефоне. По ней двигался маленький зелёный огонёк «комфорт плюс».

— Я провожу! — и, не дав Марку помешать ей, Корчагина

подхватила костыль, Анфису и с ними в охапку поскакала к выходу из больницы. Мужчине только и оставалось, что проводить их безмолвным взглядом. Затем, тяжело вздохнув, он всё же последовал за девушками.

В течение этих семи минут Марк и Лера только и делали, что болтали. Так Анфиса, к примеру, узнала про четырёх младших сестёр Марка. А ещё ей почему-то показалось, что он влюблён в старую подругу. Бабушка всегда говорила: когда кажется, креститься надо. Но, во-первых, бабушки уже нет, а, во-вторых, Анфиса в Бога не верила. В церковь она ходила чисто за компанию с родственниками — ну, на иконы там посмотреть.

Когда Марк наклонился к груди Свитской, чтобы помочь ей сесть в такси, Анфиса схватила Рагушева за край пиджака и спросила так, чтобы слышали лишь они двое:

— Ты влюблён в Леру, но не хочешь рушить брак друзей?

Фису грубо швырнули на сиденье. Марк закинул костыль на другую сторону, опёрся рукой о крышу и пронзил девушку суровым взглядом:

— Знаешь, ты показалась мне милой девушкой. Но всё же иногда стоит знать меру и не лезть в чужую личную жизнь. Люблю я её или нет — не твоего ума дело. Спасибо, что хоть додумалась поинтересоваться об этом в отсутствие Леры, иначе бы она мигом вышвырнула тебя на улицу. Без костыля, усюсюканий и вот этого вот всего.

Анфиса лишь злорадно подметила:

— Не ответил — значит, любишь. И это, очевидно, не взаимно.

И быстренько захлопнула дверь такси.

Проводив уезжающую машину, Марк тихо фыркнул:
— Надеюсь, сгинешь где-нибудь по пути, сол-ныш-ко.

Вообще-то, он и правда раньше был влюблён в Леру. Эти чувства зародились ещё в школе, а потом прошли с ним сквозь года. Но юношеские чувства и страсть — это уже не то, что Марк назвал бы любовью к женщине. Возможно, потому что слишком хорошо её знал, а может, потому что старая подруга была рядом, когда умерла его бабушка. Именно Лера поддержала и утешила его в тот период. Так или иначе, Марк видел в ней скорее вторую маму или старшую сестру. Такое сложно объяснить посторонним, поэтому Рагушев жутко злился, когда кто-то спрашивал, влюблён ли он в свою подругу. Как будто он не может просто общаться с женщиной без твёрдого стояка.

Да, было время — ходили на свидания вчетвером: Лера с Артёмом, он со своей дамой сердца. А потом, перед самым выпуском, личная жизнь Марка как-то сама собой закончилась. Судьба, расстояние — девушка собралась учиться за границей, а он не хотел уезжать. Вот и разбежались по хорошему, пожелав друг другу удачи.

Из раздумий Марка вывело бормотание Леры:

— О чём говорили?

— Да так, ерунда, — цыкнул он, раздражённо потрепав

рукой волосы.

Лера заговорчески подмигнула:

— Она твой типаж, да? На Юлю чем-то похожа.

Оскорблённый поэт нахмурился, глядя в сторону пустой дороги:

— Не вижу сходства, сплошное скотство.

— Как скажешь, — Корчагина пожала плечами. — Идём в ординаторскую? Угощу тебя обедом, пока перерыв не закончился.

— Ага, — Марк слабо улыбнулся, последовав обратно в больницу за подругой. Вскоре он уже и думать забыл о такой девушке, как Анфиса, и её странных неудобных вопросах.

Оказавшись дома, Свитская позвонила начальнику. Благо, человек он понимающий, поэтому долго уговаривать его не пришлось.

— Да, конечно. Я смогу поработать на выходных, если потребуется. Да, да. Помощь не нужна... Правда, при постельном режиме я быстро приду в себя.

После разговора Анфиса заварила себе каркаде, и достала пакет замороженных овощей из холодильника, обернув его полотенцем. Затем села с ноутбуком на диван, уложив больную ногу на пирамиду из подушек, а сверху пристроила холодный компресс. Попивая чай, она включила запись на-

учной конференции. И этот ролик полностью подтвердил её звание «трудоголик по жизни».

Так и началась эта долгая неделя боли.

В первые два дня Фиса вообще не могла ходить самостоятельно — исключительно с костылем или прыгая на одной ноге. Во время прыжков она старалась не думать о соседях снизу и о том, сильно ли им слышны её потуги. На третий день о растяжении прознала её младшая сестра.

— Бог ты мой! Я просто обязана увидеть, насколько тебе там плохо! — щебетала девица в телефон. На фоне раздавался грохот посуды и шумные переговоры, так что, скорее всего, сестра звонила из университетской столовой.

— Не стоит, — цокнула Свитская. — Я без твоей медвежьей помощи быстрее поправлюсь.

— Фи-и-са! Как ты можешь быть такой жестокой?

— Я мразь по жизни, смирись с этим, — Анфиса глянула на время, измученно закатив глаза. — Если ты закончила причитать, вешаю трубку, — и тут же сбросила.

А спустя пять часов, когда девушка, ни в чём себе не отказывая, щеголяла по квартире в одних трусах, пока соседки дома не было, раздался назойливый звонок в дверь. Фисе даже думать не надо, кого могло принести сюда в такую рань. Накинув куртку поверх голой груди, она допрыгала до коридора и крикнула в закрытую дверь:

— Мелкая срань, это ты?

— Открывай, кошёлка. Медведь пришёл, — по ту сторону

раздался чересчур воодушевлённый голос юной девушки, её младшей, Аньки Свитской. Анфиса заглянула в глазок как раз в тот момент, когда мелкая подняла руки вверх с двумя большими пакетами. — Я те сосисочки сделаю с омлетиком!

Анфиса быстро затащила сестру внутрь и тут же захлопнула дверь:

— Давай сюда, — она взяла из рук сестры тяжёлые сумки и понесла на кухню. — Что ты тут накупила?

Быстро скинув ботинки на коврик, Анька побежала за Анфисой:

— Эй, эй. Я не думала, что твоя дурная привычка и в самостоятельную жизнь перенеслась, — она выразительно взглянула на покачивающиеся оголённые бедра Анфисы. — Давай я тебя пофоткаю, а потом мы эти фотки на онлифанс выложим. Деньги поделим пятьдесят на пятьдесят.

Анфиса поставила сумки на кухонный стол, а затем холодно глянула на сестру. Та улыбнулась ещё ярче:

— Мало? Ладно, так уж и быть. Я согласна на семьдесят к тридцати.

Хозяйка квартиры, привыкнув к язвительности сестры, вопросительно подняла бровь и посмотрела на ту прямо в упор:

— Давай тогда твою задницу выложим. У тебя косточки понежнее.

— Блин, ну чего ты сразу... — тут же сдулась мелкая. — Я же шучу просто, — разобрав пакеты, она вытащила оттуда

упаковку молочных сосисок и лоток С0 яиц. — Сиди и наслаждайся обслуживанием.

Фиса села за стол, сложив руки на груди:

— Если будет невкусно, я поставлю вашему ресторану ноль баллов.

— Да, да. Как скажете. Мнение гостя важнее всего.

Уже через пятнадцать минут перед девушками стояли две ароматные тарелки с золотистым омлетом. Анфиса сняла очки и, потрепав сестру по волосам, нежно улыбнулась:

— Спасибо, дорогая. Приятного.

— Агась, — Анька сощурила глазки, довольно ухмыльнувшись. — Кстати, как ты ногу-то потянула?

Свитская-старшая неловко кашлянула, но всё же рассказала всю историю с самого начала. Закончила она одной фразой:

— Если судьба ко мне благосклонна, то я никогда больше не встречусь с ним.

— Но вы же работаете вместе.

— А судьба была когда-либо ко мне благосклонна? — философски заключила пострадавшая, откинувшись на кухонный стул.

Анфиса, конечно, в удачу не верила, но, если подумать логически, выходило так: три месяца отсидеться в лаборатории — и шансы на неловкую встречу почти нулевые. За это время даже сами участники забудут, что там случилось.

— Ты могла проломить ему череп, но всё обошлось со-

трясом!

— Точно. Я такая везучая, — хмыкнула Свитская, внутренне молясь всем богам этого мира, чтобы Рагушев поскорее забыл о ней.

В этот момент некий Марк вдруг чихнул. Проходя мимо, коллега похлопал его по плечу:

— Ты тут это, не разболейся. А то заразишь нас всех.

— Да всё окей. Вспоминает кто-то, — беспечно отозвался он, опять погрузившись в свои исследования.

Глава 2. Коллега

А-ля больничный проходил кошерно: Анфиса каждый день заказывала себе свежие салатики и заварной кофе на завтрак, преспокойно писала диссертацию параллельно с другими проектами. И никто не дёргал, не жужжал над ухом. Клара была так занята на работе, что приходила с закатом и уходила с рассветом: у них там дедлайны по сдаче отчёта горели, а другая лаборатория никак не присылала свои правки, оттягивая доклинику³ сначала на день, потом на три... За неделю они встретились от силы раз пять, и то в туалете, вот как сейчас. Миланова сидела на холодной плитке, не в силах вытереть лицо после вечернего умывания. Она походила на пожухлую банановую кожицу, которую весь день шпыняла детвора по площадке.

— Живи, — доковыляв до подруги, Анфиса схватила полотенце и кинула ей в лицо.

— Хэ-э-э-э, — прохрипела Клара, как зомби из фильмов ужасов, и дрожащей рукой вытерла капающую воду.

— А ты что?

— Ублюдки, я сегодня должна была уже всё отправить!..

— А они что?

— Ушлёпки...

³ этап доклинических испытаний, предшествующих исследованиям на людях

— Ясно. Подарю тебе биту на день рождения.

— Хэ-э-э-э... Уже... не надо. Марк... им всем разнос устроил, так что... ночью сегодня поработают, суки...

— Ну Клара Вениаминовна, ну как же так, ты же такая приличная девочка, как ты можешь ругаться матом? — Свитская причмокнула, скрывая нарастающую улыбку, и помогла Кларе встать. Так как она сама толком ходить не могла, девушки чуть не грохнулись головой о бортик ванны.

— Так, всё. Я окончательно проснулась. — Миланова резко распахнула глаза, будто кофеина бахнула, — Отпусти, Фиса, давай лучше я тебе помогу...

В общем, если бы не больная нога, то дни проходили просто великолепно. Иногда Анфисе казалось, что она забыла нечто важное, но это беспокойное чувство быстро угасало. Не вспоминается — значит, не важно.

И вот это всё великолепие разрушил звонок научрука на пятый день.

— Алё, милая? — пробасил Тимофей Колаич. — Слух, ты же преподаёшь у нас что-то?

— Преподаю... Вы к чему это?

— Да там ребятки сейчас методический план для аспирантов на следующий год формируют. Часы на биоматериалы увеличивают, плюс на практику теперь студенты к нам тоже приходиться будут. Я тебя добавлю в чатик, ты там посмотри, что как, подробности уже там объяснят.

— Хорошо... — Анфису помutilo от такой расплывча-

той формулировки. С Тимофеем Колаичем она уже не первый год работает, но привыкнуть к его фразочкам всё ещё не может.

— Ну ладненько тогда, — на той стороне собеседник смачно хлебнул что-то. — Как здоровье-то? Нога работает или всё, протез-трамвай?

— Потихоньку, — Анфиса посмотрела на больную конечность. — Но выглядит она уже значительно лучше. На работу в понедельник выйду.

— Это хорошо, хорошо... Мне на совещание пора, в чат добавлю сейчас, если будут вопросы — пиши.

— Ага... спасибо, — повесив трубку, Анфиса оцепенело уставилась в чёрный экран. — Это всё, конечно, хорошо, но, пожалуй, подумаю об этом завтра.

Свитская очень хотела спокойствия, но с той же силой, с какой она его хотела, оно её и динамилло. А когда Клара пришла с работы позже обычного вся в слезах, Анфиса наконец-то сообразила, что она забыла. В голос бедняжка не рыдала, но и без того было понятно, что всё очень плохо, мир рухнул, чайник сбежал и прочее, и прочее.

Девушки быстро перебрались на кухню. Анфиса поставила перед Кларой чашку горячего чая, а сама села напротив: — Рагушеву призналась, и он тебя отверг?

Стоило соседке произнести это, как Миланова широко распахнула свои кукольные глазки. Децибелы рыданий увеличились в разы.

— Так и знала, — Фиса вздохнула. — Надо было тебе тогда сказать.

— Ч-что сказать? — Клару шатало так сильно, что она впечаталась головой в стол. Думается, если бы могла, девушка растеклась лужицей прямо здесь и сейчас и больше не вставала бы.

— В больнице мы встретились с его школьной подругой.

— И... и что?

— Пусть она и замужем, но я видела, как Марк смотрел на неё. Похоже на неразделённую любовь.

— Это... это точно?

— Не-а. Но если ему нравятся такие женщины, как Лера, то у тебя с самого начала не было шансов, — и Анфиса очень красноречиво посмотрела на плоскую грудь Клары.

— Что, у неё прямо огромные? Насколько? — Миланова с грустью сжала свою грудь. К её разочарованию, она аккуратно помещалась в ладошку, явно не подходя под те параметры.

Вместо тысячи слов Анфиса с каменным выражением лица ответила просто:

— Да, — и продолжила как ни в чём ни бывало пить свой кофе.

— А если я грудь сделаю-ю-ю? — вновь захныкала Клара.

— Так, Клар, послушай меня, — тут уже Фиса не выдержала. Она потянула подругу на себя, сжав руками влажные мягкие щёки собеседницы. — Отверг и отверг, нового най-

дёшь. Ты ещё скажи, что жизнь теперь не имеет смысла.

Подруга посмотрела на неё печальными глазками и заскулила.

— Ну, ну, поплачь, давай. Тебе так легче станет. Таблеточку валерьянки дать? — получив в ответ кивок, Анфиса порылась в шкафах над раковиной и достала аптечку. Вытащив оттуда же чашку, Свитская налила воды и поставила перед Кларой. — Пей и иди спать. Всё нормально у тебя будет.

Анфиса плохо умела успокаивать людей, но всё же несколько ржавыми движениями погладила прижавшуюся к ней подругу по голове:

— Подумаешь, отказали... Бывает.

— Да дело-то не в отказе! Как я ему теперь на глаза покажусь?! Я ж со стыда сгорю!

— О! Оно говорящее!

— Фи-и-и-иса, что мне делать?

— Снять штаны и бегать. Нет, ну серьёзно, Клар. Я-то откуда знаю. Ни разу никому не признавалась.

— Вообще?

— Да. Блин, ну не знаю... сделай вид, что ничего не было. И всё. Он тебе подыграет, если нормальный мужик. Таблетку выпила?

— Угу.

— Вот, значит, иди спать, а утро вечера мудренее. Давай, давай, потихоньку.

Анфиса довела подругу до кровати, дождалась, пока та уснёт, и сама отправилась спать.

На следующий день девушки пошли развеяться на одну из многочисленных галерейных выставок — не то чтобы Анфису они интересовали, но Клару успокаивало, когда она смотрела на всякие мазюльки. Поэтому Свитская прошлым вечером купила билеты на утренний сеанс и силком потащила сонную подругу в мир искусств. Оделись симпатично, юбки-колготки, новые серёжки. Анфиса в кои-то веки выгуляла новую блузку — обычно она носила толстовки или тёплые кофты, так как в институте ей всегда было холодно. Летом система вентиляции сбоила, морозя не только лабораторные помещения, но и рабочие кабинеты, а осенью или зимой коллеги часто оставляли окна открытыми, и потому прогулка между этажами для Свитской была равносильна путешествию из Сочи в Мурманск.

Без экскурсовода девушки обошли выставку довольно быстро и уже успели пожалеть, что не купили хотя бы аудиогид.

— Почему тут голый мужик висит?

— Я откуда знаю? Пастель, холст... Я вижу ровно столько, сколько и ты.

— О, Фис, Фиса, смотри!

— Ну чего?

— У него носа нет, зато третья нога имеется! Смотри, художник аж контуры под тканью прорисовал... Интересно, а кто модель?

— Клара!..

Но, может, именно эти мелочи и помогли отвлечь Клару от душевных проблем хоть ненадолго.

Оставшиеся выходные прошли мирно: Анфиса собиралась на работу и изо всех сил тренировалась ходить, не травмируя больное место. И вот, в ночь перед понедельником, случились две неприятные вещи. Во-первых, позвонила мама, которая в очередной раз напомнила про недоделанный ремонт в подмосковном доме, доставшемся Свитским от родственников по папиной линии.

— Этим всем ты должна была заниматься, так что не смей разговаривать со мной в таком тоне!

— Я сказала, что займусь, когда у меня будет время. Почему ты сейчас выставляешь меня виноватой? — Анфиса раздражённо массировала переносицу.

— Ты никогда меня не слушаешь!

— Кто кого не слушает? Слушай, давай закончим разговор. Спокойной ночи.

И, во-вторых, позвонил Тимофей Колаич, чтобы сообщить радостную новость:

— Котечка, привет. Послезавтра Марк Вадимирович будет вести пару у третьегодок. Ты сходи, посмотри. Там потом всё и обсудите.

— Это ещё зачем? — неожиданно услышав имя мужчины, Анфиса чуть не поперхнулась слюной.

— Ну так вам вместе над методическим планом работать. Через три месяца сдача.

— Кха-кха-кха... ни... чего себе.

— Ты чат, что ли, не читала? Я же тебя ещё в пятницу добавил.

— Как раз этим занимаюсь...

— Ну, молодец. В общем, я предупрежу Марка Вадимыча тогда. В третьей учебной комнате в девять, ладушки?

У Анфисы аж глаз задёргался от того, насколько натянутой была сейчас её улыбка:

— Да-а-а, конечно, Тимофей Николаевич... Всё понятно.

В третьей учебной аудитории было скучно — окон нет, ступенчатости парт нет, кафедры нормальной нет. Анфиса глянула на часы: четверть десятого. Где все? Она, как порядочный человек, встала рано, даже голову помыла, не опоздала... А преподаватель со студентами до сих пор не явились.

Тут в тишине раздался звонок. Это был научрук.

— Фиса, Марк Вадимович сказал, что тебя всё ещё нет. Ты пришла?

— Да, Тимофей Николаевич, я сижу в третьей...

— Почему в третьей? Они же в тринадцатой. Иди, я напишу ему и предупрежу, что ты потерялась.

Про себя сотрудница чуть ли не материлась: *«По чьей же вине я, интересно, потерялась?!»*, но доктору наук грех грубить, особенно когда он твою диссертацию курирует. Поэтому, не в силах выразить свою боль и усталость, Свитская ответила миленьким голоском:

— Уже бегу! — и, медленно хромя, двинулась на место.

Когда аспирантка добралась до нужной аудитории, пара уже шла вовсю. Профессор коротко окинул её взглядом, дольше нужного задержавшись на лодыжке девушки, после чего лаконично представил её:

— Это Анфиса Сергеевна. У вас в следующем семестре будет биоинженерия, она, возможно, станет вашим преподавателем.

Когда тринадцать пар глаз уставилось на Свитскую, учёная дежурно улыбнулась:

— Да, доброе утро всем. Не обращайтесь на меня внимания, занимайтесь.

Тихонько пробравшись на задний ряд, Анфиса достала телефон, притворяясь, что залипла в интернете. На самом же деле её взгляд был полностью сосредоточен на Марке: в этот раз он создавал совсем иное впечатление, нежели при их пер-

вой встрече. Тогда Рагушев был в мотоциклетном костюме и больше походил на лихого бандита из Готэма, чем на презентабельного мужчину. Но сейчас, смотря на статного препода за кафедрой, она невольно вновь почувствовала себя студенткой. Строгий чёрный костюм, белая выглаженная рубашка, галстука нет. С лица не сходила широкая улыбка, пока он вёл лекцию. Анфиса заметила: когда Марк особенно счастлив, у уголков глаз собираются морщинки, похожие на солнечные лучики. Девушка, сама того не понимая, строчила за Рагушевым всякие занятные словечки, цитаты... Но спроси её кто — ответила бы с полной уверенностью: ничего интересного она там не услышала. Да и вообще — много шутит со студентами, приколы какие-то вставляет, несерьёзно всё это.

Как там говорится? Недовольный взгляд везде ищет промахи.

Свитская не из тех, кто судит о людях с предубеждением. Но стоит вспомнить: Марк и Лера, слёзы Клары, та травмоопасная встреча — и личные предпочтения берут верх. Оценивать старшего коллегу адекватно она уже не может. Этот человек прочно ассоциируется со всем, что она хочет забыть.

— На сегодня всё, — Марк сел за преподавательский стол, занимая типичную заумную позу — пальцы скрещены в замок, суровый взгляд направлен в пол, будто он решает, съесть сегодня одного человека или двух. Но студентам повторять не надо. Стоило этим словам прозвучать, как словно

по мановению волшебной палочки, третьегодки испарились из аудитории, будто их никогда и не было.

Оставшись одни, Марк и Анфиса больше не могли игнорировать друг друга. Хотя бы из вежливости.

— Как Вам? — с улыбкой спросил Марк.

— Честно, не понимаю, зачем Тимофей Николаевич вообще послал меня сюда, — Анфиса пересела на одну из парт в первом ряду, прямо напротив старшего коллеги.

— Даже так, — Марк рассмеялся, сощурившись, словно хищник, готовый напасть на добычу. — И что же конкретно Вашей Светлости не понравилось?

— Всё. Думаешь, что своими методами можешь их чему-то научить? Это же просто смешно.

— Какими, например? — сложив руки на груди, Марк от души рассмеялся.

— Слишком много шутишь. Из-за этого они не воспринимают тебя всерьёз.

Пока она говорила, коллега подошёл так близко, что полностью заслонил своей тенью:

— Что ещё? — Рагушев склонил голову набок. В глазах его играли дьявольские огоньки.

Свитская даже не заметила, как их бёдра оказались всего в пятнадцати сантиметрах друг от друга. Она продолжила свою праведную речь:

— Я знаю, что есть два вида преподавателей: те, которые нравятся студентам, и те, которые им не нравятся. И знаешь,

если я не буду нравиться, но смогу что-то вдолбить в их головушки, то предпочту ненависть. А вот после твоего курса лекций они всё забудут сразу после экзамена. Ты выводишь только на посещаемости — ты ведь такой дружелюбный, мягкий. Да тебя никто не воспринимает всерьёз. Если хочешь чему-то научить, надо быть жёстче.

Из всей её тирады Марк умело вычленил одно:

— Получается, тебя твои группы ненавидят?

— Думаю, да. Им приходится меня слушать — не хотят, чтобы я орала и снижала баллы. Вот и стараются, — Свитская гордо задрала подбородок и продолжала внутренне восхищаться собой, пока рядом с её ухом не послышался ехидный смешок.

— Уверена ли ты, что знания от преподавателя, который им не нравится, они будут часто вспоминать? Ты же знаешь эксперимент Павлова. С собачкой, — он поднял ладони, приложив их к своей голове наподобие собачьих ушек. — Если постоянно грубить студентам и вести себя как последняя мразь, то у них в голове закрепится, что твой предмет — такой же дрянной, как и сама Анфиса Сергеевна. А если студенты возненавидят эти знания, то разве можно считать, что мы, как преподаватели, справились?

— Говори, что хочешь. Твой метод только расслабляет их, студенты потом вообще ничего не учат.

— Не собираюсь сейчас с тобой спорить, поэтому давай закончим на этом, — Рагушев поднял руки вверх в знак ка-

питуляции и отстранился.

Анфиса интуитивно шагнула к нему ближе:

— Нет, я ещё не всё!

— И что же ты хочешь добавить? — Марк застыл на месте, искоса глядя на кудрявую особу.

— Ты им сразу направление даёшь, да ещё и подсказками разбрасываешься, — Анфиса сделала ещё шаг вперёд.

— Хочешь сказать, что, если никто из ребят, у которых недосып, работа, возможно есть семья и дети, не может вспомнить ответ, я должен их пытаться до последнего?

— Я не говорила о пытках, — ещё шаг.

— А что ты тогда пытаешься доказать? Опять речь о том, что я слишком лояльно отношусь к студентам? — Рагушев шагнул назад, упершись ягодицами в край преподавательского стола.

— Верно. Они так ничего не запомнят. Если ты каждый раз будешь давать наводку на верный ответ, то они никогда не научатся самостоятельно его искать.

— Но они что, больше запомнят, если на них давить? Разве не будут молчать, боясь сморозить глупость? Так весь дух экспериментаторства закончится.

— Если они сдадутся после такого, то, значит, недостаточно хотели.

— Или тот самый преподаватель, которого они уважают, просто убил в них желание что-либо делать. Твой подход мог бы быть верен, если бы ты не отбивала у ребят веру в себя.

— Да если они такие ранимые, я тут причём?!

— Самые уязвимые к критике люди — это творцы. И учёные, и художники нуждаются в поддержке и благоприятной среде для развития. Есть исключения. Например, ты. Но пойми, не все такие, не все могут просто идти напролом, не обращая внимания ни на собственные недостатки, ни на то, сколько мёртвых душ за собой оставят.

— Ты намекаешь, что я студентов ломаю, правильно понимаю?

— Ага. Губишь своей самоуверенностью. Спустись на землю и услышь других, уважаемая Анфиса Сергеевна. Ты живёшь среди таких же людей, как ты, а не среди муравьёв.

Когда Марк и Свитская опомнились, они стояли чрезвычайно близко друг к другу. Ещё немного и девушка бы полностью вжала Марка в стол. Рагушев слегка надавливал ей на плечи, не отталкивая, но явно обозначая дистанцию. Они дышали в такт, смотря друг на друга — чертовка хотела прожечь своим взглядом дырку в его лбу, жертва же едва сдерживалась от того, чтобы жестоко проучить эту праведную девчонку.

В конце концов Марк аккуратно отодвинул собеседницу в сторону и устремился к выходу:

— Что же, увидимся позже. Будет прекрасно, если ты хотя бы немного задумаешься над моими словами.

Анфиса ядовито прошипела с улыбкой на губах:

— Увидимся, Марк Вадимович.

— Владимирович, Анфиса Сергеевна. Будьте так любезны запомнить моё имя и впредь не коверкать, — он посмотрел на неё глазами такими же спокойными, как гладь белого озера. Что же скрывалось в пучине — ему мастерски удалось скрыть.

Сердце Анфисы отчего-то ёкнуло. Она ответила тем же самоуверенным тоном, что и раньше:

— Очень постараюсь, дорогой... коллега.

Пронзив друг друга несколькими странными взглядами, они распрощались, разойдясь в двух противоположных направлениях.

Два корабля в море, чтобы не столкнуться, должны идти или параллельно, или в разные стороны. Но никогда... Слышите? Никогда не пересекаться! То же самое верно и для Анфисы с Марком. С того дня в кабинете они не особо общались, но отчего-то постоянно пересекались. Свитскую это особенно бесило — куда соберётся, везде он. То в столовой, то в коридорах, то в администрации. И Тимофей Колаич ещё постоянно напоминал о том, что сдача методического плана не ждёт. Стоило подумать о том, что придётся связаться с Рагушевым после всего, что она ему тогда наговорила... Анфиса вообще не хотела об этом думать, но избегать мужчину вечно — точно не вариант.

И вот, вся из себя такая погружённая в мысли о солнышке, она как раз кстати столкнулась с лучиком в столовой. Сделав вид, что ей абсолютно наплевать на окружение, Анфиса пафосно поставила еду в микроволновку. Пока числа на таймере утекали, как вода, краем уха она слушала разговор Марка по телефону.

— Два, два у меня было... Или я неправильно вопрос понял?

Шумели упаковки от еды. Кто-то мыл посуду. Парочка лаборантов с этажа ниже болтала о голодающих верблюдах.

— Если за один раз платёж, то... расходуется...

Кто-то разбил чашку, из-за чего Анфиса на миг отвлеклась.

— Если сто процентов было оплачено, то сто процентов, ну, оно так и покажет...

Справа кто-то открыл кран, чтобы набрать воду в чайник.

— Э-э-э, стоп, вот выставляется счёт... ты не можешь... вот у тебя есть две разные карты... С одной карты заплатить полторы тысячи долларов, с другой — три тысячи. Одним и тем же... Это... А ты как хочешь?..

Когда Марк повесил трубку, Анфиса с напускным спокойствием подседа к нему.

— Приятного аппетита.

Рагушев не удосужился взглянуть на неё, но учёная успела заметить, как он закатил глаза.

— Спасибо, тебе тоже.

— Тимофей Николаевич сказал, что нам надо срочно готовить методический план.

— И?

Анфиса вся аж дрожала от раздражения. Набрав в лёгкие побольше воздуха, она сквозь зубы выдавила:

— Предлагаю встретиться завтра и обсудить этот план.

— Хорошо. Приходи ко мне в кабинет после обеда.

«При каждой встрече — вид дикого котёнка. То орёт, то шипит. А другие эмоции у этой девочки вообще бывают?» — Марк оглядел её как подопытного кролика и довольно улыбнулся. Свитская тем временем в мыслях костерила его всем, на чём свет стоит: *«Чего вылунился?! Если бы не научрук, я бы в жизни к тебе не подошла! Отказал Кларе и сидит радуется, придурок».*

Затем они молча закончили обед и разошлись. Оставшись одна, Анфиса чувствовала себя несколько вымотанной: *«Почему-то я думала, что договориться с ним будет сложнее. Странное чувство».*

На следующий день после обеда барышня-крестьянка собралась и, как приличная девочка, направилась к кабинету. Да, в прошлый раз она ему нагрубила. Этого не отмотать назад. Да и характер у неё такой, ничего не попишешь. Но, по крайней мере, раз Марк не принял всё это близко к серд-

цу, они могли бы попробовать наладить рабочие отношения. Верно же?..

«Держи язык за зубами, Фиса. Вам надо спокойно всё обсудить и разойтись!», — как мантру повторяла девушка. Идя по коридору до кабинета 9.12, она столкнулась с Тимофеем Колаичем — невысоким тучным мужчиной с сединой на висках. Тот одобрительно кивнул ей, заложив руки за спину, и торжественно прошествовал в туалет.

У нужной двери Анфиса застыла как вкопанная. «Разговаривай нормально, не язви, Фиса. Давай, ты справишься». Глубоко вздохнув, она вошла внутрь. Планировка комнаты была стандартной, слева и у окна — рабочие столы, по правую сторону же книжные шкафы. Марк сидел за дальним рабочим местом и что-то увлечённо строчил. Заметив её, Рагушев тут же встал, выдвинув для девушки соседний стул. Анфиса села, но с губ всё же сорвалась фразочка в стиле мелодрамы 90-х годов:

— И давно ты притворяешься джентльменом?

Марк развернулся к ней, облокотившись на спинку кресла:

— С тех пор, как мама научила. Считай около двадцати лет.

— Это был риторический вопрос. Насрать мне на твою маму, — выдала Свитская и тут же пожалела. «Я же хотела поладить... Фиса, ты что творишь! Говори вежливо, вежливо!»

Марк изогнул бровь от таких выкидонов. Сохраняя пикантную улыбку, мужчина просто-напросто сменил тему:

— А ты вовремя.

— Ещё бы, я не привыкла опаздывать, — Анфиса достала из кармана юбки телефон. — Впрочем, поговорим о деле. Расписание остальных пар для вторых и третьих курсов уже прислали, нам дали фору перед клиническими кафедрами, так что надо поскорее составить график занятий для биоинженерии и биостатистики, для аспирантов первого года по биоматериалам и регенеративным технологиям, — затем она посмотрела на него. — Каждый возьмёт свой предмет. Статистику и биоматериалы поделим.

— Окей, — без особого энтузиазма ответил визави.

— Тебе переслать файл с расписанием или ты в чате найдёшь?

— Эм-м-м, дай-ка подумать... Лучше пришли, пусть будет в нашей переписке, — с каждым словом Рагушев терял интерес к разговору.

— Хорошо, — найдя контакт коллеги, Анфиса посмотрела на дружелюбное напоминание от мессенджера прислать милый смайлик, чтобы начать диалог. Она некоторое время смотрела на глупую обезьянку, грызущую банан, а затем безжалостно начала диалог с объёмного эксель-файла. Никаких приветствий. Только по делу. Так она решила. А то не дай бог чего лишнего наговорит...

Глава 3. Дай бог сил и терпения!

В чём разница между бесплатной и платной трассой? На обеих можно попасть в пробку, просто на платной этот шанс гораздо ниже, но всё же не равен нулю. К чему такое вступление? Да к тому, что эти двое выбрали переписываться 24/7, вместо того чтобы один раз увидеться и спокойно посидеть друг перед другом два часа. Спустя неделю их чат был завален кучей файлов: с правками, без правок, с цветными выделениями, без них. Дошло до того, что они сами перестали понимать, где что находится. Тогда Марк распределил всё по хештегам и закрепил список вверху чата.

Анфисе, честно говоря, было лень этим заниматься, поэтому она молчаливо приняла то, что Рагушев обеспечил им такое удобство. Взамен она закончила план оставшихся работ тем же вечером: набросала вкратце, что должно получиться по статистике и биоматериалам. Если описать их общение в двух словах, то оно было крайне гармоничным. И так они благополучно избегали друг друга целых два с половиной месяца. А потом всё равно припёрло и пришлось встретиться.

Свитская с самого утра была не в настроении: не поела; всю ночь готовилась к встрече с нефрологами, из-за чего отменила свидание со сном; за час до начала рабочего дня узнала, что встреча перенеслась; а ещё телефон всю ночь проле-

жал без зарядки и держался на пяти процентах до тех пор, пока она не добралась до лаборатории.

— День не задался? — робко спросила её Машенька, милостивая студентка последних курсов лечфака. Она приходила в лабораторию, чтобы набраться опыта и периодически помогала с инвентарём и уборкой. В этот момент девушка как раз мыла ламинарный шкаф перед последующим включением УФ-лампы.

— Не то слово, — посмеялась над своей судьбой Свитская и, после краткого, но красноречивого ответа, натянула на себя халат и быстренько пробежалась глазами по установкам для перекачки аргона — в их лаборатории создавались промышленные полимеры и не только. Тот, что она оставила вчера, уже был в округлой пробирке, подсоединённой к стеклянной трубе снизу. Анфиса надела перчатки и осторожно сняла колбу, закрыв её крышкой. Машенька тут же любезно указала на соседний ламинар⁴:

— Этот уже готов, Анфиса Сергеевна.

— Спасибо, Маш.

Руки Свитской ловко маневрировали под стеклянным козырьком. Она подкрутила механическую пипетку, насадила одноразовый наконечник и потихоньку начала набирать растворитель для нового полимера. Из окна светило солнышко, кондиционер поддерживал довольно комфортную темпера-

⁴ ламинар (ламинарный бокс) — лабораторное оборудование для создания стерильной рабочей зоны.

туру. В какой-то момент Анфиса даже смогла расслабиться.

— Как прошла встреча? — как бы между делом уточнила Машенька, снимая грязные перчатки. Саму-то её до встречи не допустили, всё же проект важный, документы все с подписями заархивированы. Короче, не для любопытных носов.

Анфиса застыла как вкопанная. Всё хорошее настроение улетучилось в мгновение ока.

— Её перенесли на вечер, — почти спокойно ответила она.

— О, — только и смогла выдавить Машенька. Сейчас на месте своей старшей коллеги она видела уже не девушку ангелоподобной внешности, а пышущего огнём из ноздрей дьявола. Тут-то она и поняла, что пора ретироваться, пока ей тоже не перепало. — Я... я, ну я пойду тогда. У меня пара скоро начнётся.

Дьявол, хрустнув шеей, повернулся на сто восемьдесят градусов и вкрадчиво поинтересовался, прожигая Машеньку тёмным взглядом:

— Далеко-о-о ка-а-афедра?

— Нет, — студентка тыкнула по наручным часам. — Мне на метро минут пятнадцать. Успеваю, — а затем торопливо распрощалась со старшей. — До свидания.

«Ага, пока-а-а-а», — донеслось из-за спины заунывно, когда Машенька уже спряталась за дверью. Тихонько выдохнула, перекрестилась раз. Вспомнив лицо «дьявола», на всякий случай перекрестилась ещё раз, помолилась Будде с Ал-

лахом и только потом наконец вдохнула. Машенька сама не заметила, как затаила дыхание со страху.

— Пусть сегодня всё сложится... пожалуйста. Давно не видела её такой злой, — бормотала она себе под нос, отходя от лаборатории всё дальше, пока в лифте не наткнулась на незнакомца. Тот походил на огромного чёрного кота.

— Здравствуйте.

— Доброе утро. Ты же из лаборатории полимеров? — высокий и широкоплечий, он перегородил кабину лифта. На бейджике, что свисал с его шеи, Машенька успела прочитать часть имени: «Рагушев».

— Д-да?

— Анфиса Сергеевна в кабинете?

— Эм-м-м, я... — лаборантке стало крайне жаль этого улыбчивого мужчину перед ней, изо рта будто на автомате вырвалось. — Она... она очень занята и просила её не отвлекать.

— Что ж, понятно. Спасибо! — Марк учтиво отошёл, выпуская студентку в лифт. У него самого в мыслях крутилась таблица, в которой по пунктам были расписаны все рабочие вопросы на сегодня. Он вообще-то планировал отстреляться после утренней встречи, а не в обед — тем более что он и так был на этаже Анфисы по своим делам. Но, видно, не судьба. *«Какая жалость. Надеюсь, выйду вовремя сегодня»*, — про себя вздохнул Марк, — *«Если опоздаю, то не попаду на квест. Мелкая грозила, что оторвёт мне ноги за та-*

кое, ха-ха...».

Тем временем в лаборатории Анфиса всё ещё выпускала флюиды навозной кучки. Убрав готовый полимер в тёмный ящик, Свитская вернулась в родной кабинет. В течение ещё пары часов в её глазах мелькали бесчисленные статьи — она собирала данные по поводу заказа, который недавно поступил им от турок. Переписка шла уже около недели, и они ждали ответа с их стороны. Простудировав сколлар и пабмед, Анфиса отобрала около десяти приглянувшихся ей статей про системы вирусных векторов⁵ с наноразмерным полимерным покрытием и принялась читать. Английские буквы летали на экране, как капли воды во время ураганного ливня. Фиса изредка переключалась на переводчик, чтобы удостовериться в правильности написанного.

— Что за дерьмовая аннотация? Сплошная вода и ни черта по делу. Блин.

Спустя пару-тройку часов непрерывного чтения Анфиса сняла очки и зажмурилась, потирая переносицу. Буквально в этот же момент зазвонил будильник.

Механический женский голос на фоне противного звона колокольчиков известил: «Дык, дык, дык, дон. Четырнадцать

⁵ Система вирусных векторов — это технология в молекулярной биологии и генной инженерии, где вирусы используют как «челноки» (векторы) для доставки генетического материала в клетки. Вирус лишают патогенности, встраивают в него нужный ген, и он заражает клетку-мишень, передавая этот ген. Применяется в генной терапии (лечение наследственных болезней), создании вакцин, онкологии.

ноль-ноль. Обсуждение с Марком. Дык, дон, дык, дык, дык».

— Вот б... — Свитская тут же вскочила на ноги. Выглядела она сейчас не лучше зомби — у тех хотя бы еда в быстром доступе.

В коворкинге было тихо.

— У нас осталась неделя. Ты структурировала свои материалы?

— Хм... — Анфиса выразительно уставилась в потолок, совершенно не обращая внимания на коллегу. Отсутствие еды и многочасовой умственный труд совсем её доконали. Сейчас Фиса хотела бутерброд из автомата с первого этажа... или хотя бы остатки печенья с кухни... что-нибудь, чтобы утолить этот жуткий голод.

— Отвечать не собираешься? — не так спокойно, как прежде, повторил Марк.

Анфиса вяло посмотрела на него:

— Ага... По поводу биостата⁶ договорилась, инженерия в процессе.

— Отлично, у меня тоже всё есть.

— Есть или не есть, вот в чём вопрос, да-а-а...

— Чего-чего? — на лице Марка застыла маска недоумения. Он впервые с начала их небольшого совещания внима-

⁶ сокращение от «биостатистика»

тельно всмотрелся в лицо собеседницы. Она всё поправляла очки, тёрла синяки под глазами, а пальцы еле-еле касались мышки. Свитская будто находилась в другом пространстве. «*Что можно поменять в расписании?*», — угрюмо подумал Рагушев и, молча выдвинув стул из-за стола, направился на выход, параллельно печатая что-то в телефоне. Сегодня он не планировал обедать, чтобы не опоздать на встречу с сестрой, поэтому чем больше переменных, тем хуже. Марк оправдывался лишь тем, что, если Анфиса Сергеевна придёт в себя, то всё потерянное время можно будет легко наверстать. Да и вообще, долгое время не видя эту женщину, весь негатив к ней испарился: и за её хамское поведение, и едкие фразочки. Пока работа идёт хорошо, он не будет вовлекать личные эмоции в общение — во время их переписки Свитская предстала перед ним, если и не самым хорошим человеком, то, по крайней мере, профессионалом своего дела. И таких людей Рагушев искренне уважал и был готов на уступки.

Свитская опомнилась, когда почти потеряла его из виду:
— Ты куда?

Марк бросил через плечо:

— Кофе-брейк. Мне надо передохнуть минут тридцать, встретимся здесь же.

Учёная рассеянно уставилась на него, не в силах поверить в свою удачу:

— Ох... вот как. Да, отдыхай.

Анфиса долго ждала возвращения Марка — успела и кофе заварить, и за бутербродом сходить, и посчитать овец минут пятнадцать. Короче, выглядела уже не так убито, как раньше. Поэтому, когда Свитская увидела в дверях коллегу, она даже улыбнулась по-доброму. Сытая женщина — довольная женщина.

— Продолжим? — Рагушев выглядел более изнурённым, чем раньше, но силы в его голосе от этого не поубавилось.

— Хм, — Анфиса изо всех сил старалась игнорировать эти равнодушные, хмурые глаза и уставший вид. Теперь-то до Свитской дошло, что «кофе-брейк» мужчина устроил исключительно для неё. А ему самому точно не до отдыха. От чего-то на сердце девушки сделалось кисло и чуть сладко, словно съела кусочек лимонного пирога.

В этот раз они успели проработать методический план почти до конца — люди из того злополучного чата писали девушке сами, поэтому работа шла без осложнений. Самым «невкусным» оставалось согласование даты экзаменов по биоинженерии, но Анфиса по большей части уже разобралась с этим. Она уже любезно напомнила заведующему кафедрой о себе, поставив в копию письма начальство. Конечно же, отписываться сразу стали оперативнее.

— Я договорюсь с Костей и Людой про аспирантов, со

студенческими парами тоже разберёмся быстро — ребята заполнят электронную таблицу, твой научный руководитель и заведующая учебной частью обещали посодействовать, — Рагушев положил телефон в карман брюк, взял ноутбук подмышку и задвинул за собой стул. — На этом всё. Остальное можем доделать дистанционно.

Кивнув друг другу на прощание, учёные умы разошлись.

К этому времени в кабинете на этаж выше Свитскую уже ждал Тимофей Колаич с партнёрами. В пять часов вечера наконец-то состоялась та самая утренняя встреча. Как бы Анфиса ни была зла, она не могла себе позволить сорваться сейчас.

— Добрейший вечерочек, коллеги! — бодро отрапортовал научрук, снимая маску. Добродушная улыбка, ямочки на щеках — и тот же человек сегодня утром, во всех красках, смачно отправлял «почкоедов» в далёкое пешее эротическое. Анфиса бы не поверила, не будь очевидицей произошедшего.

— Добрый, — ответил главный хирург из отделения нефрологии Солнцевской больницы. Это был мужчина в возрасте со статной, подтянутой фигурой. Большими невинными глазами он смотрел на Свитскую и Тимофея Колаича, совершенно искренне не чувствуя вины за душой.

— Ну что же, присаживайтесь, — вены на висках руководителя лаборатории вздулись, как воздушный шарик, наполненный водой. При этом голос Тимофея Колаича оставался

таким же громким и искренним.

Анфиса даже позавидовала: *«Он так виртуозно матерится без слов. Мне ещё учиться и учиться»*.

— Как мы и сообщили по переписке, мы бы хотели сотрудничать с вами. Нужно на полимере высадить клетки рака мочевого пузыря и посмотреть, как они будут реагировать на предоставленные нами вещества, — кратко и по делу сообщил Михайло Вадимыч.

Это для простых смертных учёные говорили на тарабарщине из сложносочинённых предложений и терминов, между собой никто так не разговаривал — если достаточно простых слов, чтобы описать то, что тебе надо, зачем всё усложнять?

— Понятненько, ну в целом я всё понял. У вас уже есть протокол эксперимента?

— В общих чертах. Я вышлю вам на почту всё, что есть.

— Отлично.

Когда встреча закончилась, Анфиса сразу написала Кларе. Ещё утром они договорились встретиться на кухне, чтобы перекусить. Когда обе девушки уселись за стол, жутко голодная полимерщица отвечала на все вопросы, прилетевшие со стороны подруги, не особо задумываясь над их значением.

— Фис, а вы с Марком в последнее время переписываетесь много? — тыкая вилкой в тарелку, спросила Клара. На собеседницу она отчего-то боялась смотреть.

— М-м-м, — Свитская кивнула с набитым ртом, про се-

бя отмечая, что курочка сегодня невероятно мягкая, булгур идеально сварен, чуть солоноватый, идеально дополняется соусом песто. — Рафотаем фефте.

— Вы работаете вместе?!

— Так выфло, — ответила Анфиса, запихивая новый кусок. Ей не казалась эта новость чем-то особенным. Но вот вкусная курочка — это да-а-а! Сколько же она не ела? Сто лет тому назад во сне? Иначе почему это так вкусно!

— Ясно, — Клара опустила вилку и внезапно замолкла.

— Кха-кха, что такое? Живот болит? — Анфиса даже жевать перестала. Положила одну руку на лоб Клары, а вторую на свой. — Температуры вроде нет.

— А-ага... — Клара побледнела, как по щелчку. — Я... пойду таблетку выпью. Да... — прикусив губы до крови, Миланова поспешила уйти, даже забыв убрать за собой посуду.

Анфиса растерянно уставилась ей вслед: *«Чёрт возьми»*. Парочка коллег, заставших эту сцену, уставились на Свитскую с тихим укором в глазах. Но, стоило ей поймать их взгляд, как они сами поспешили ретироваться. Тогда учёная наконец вернулась в мыслительный рейв: *«Я же не хотела говорить с ней о Марке, вот же ж! Она только отходить от отказа начала...»*.

Оставшийся рабочий день прошёл без происшествий, а вечером Анфиса получила от Клары следующее голосовое сообщение: *«Давно никуда не выходили. Забронила нам столик в клубе. Приходи обязательно!»*.

— Так мы же вроде недавно на выставку ходили?.. — Свитская задумчиво уставилась на последнюю фразу. — Видимо, опять по новой её повело. Что ж, сама дура, язык бы себе отрезать.

Пока Анфиса дорабатывала последние часы, прощалась с коллегами, надевала пальто, её не покидало странное предчувствие. Словно собачонка цапнула за пятку: больно, гадко, а преступника уже и след простыл.

Когда Свитская приехала к клубу, к ней сразу подошла официантка:

— Здравствуйте! Бронировали?

Внутри громко играла иностранная музыка, у барной стойки толпился народ в ожидании своих мест, и неоновые-красные огни кувыркались на стенах, будто не могли насытиться людскими разговорами.

— Да, — продолжала оглядываться по сторонам она. — Бронь на имя Клара.

— Пойдёмте, я Вас провожу.

К тому времени, когда Анфиса наконец оказалась у нужного столика, подруга уже была пьяной в стельку: перед ней стояла куча пустых стаканов, бокалов со всевозможными цветными трубочками и полупустая бутылка текилы.

— Что за концерт, кто-то родился или получил премию Дарвина? — Фиса вырвала алкоголь прямо из рук подруги. Клара вяло подняла голову, смотря на приятельницу замутнённым взглядом.

— Об... щай мн...

— Чего-чего? — оперевшись о спинку стула, Анфиса наклонилась ближе к Кларе. В заведении играла громкая музыка, Свитская и себя-то с трудом слышала, куда уж до других.

— Чт.. Марка... не влб...

— Не вые...?

— Не влю... влюбишься! — несколько трагично повторила девушка.

— А-а-а, поняла, не влюблюсь в Марка, понятно... Погоди, что? — Анфиса тут же отпрянула. Никто, никто не мог ей приказывать «не испытывать» что-либо! Даже больше — такие, казалось бы, простые слова вызывали в ней неприятные детские воспоминания со времён рождения сестры. Мама тогда часто говорила Фисе не быть «такой». Такой — активной, свободолюбивой, слишком любопытной и игривой. Такой, какой она являлась.

— Поч... не отвечаешь?.. — Клара потянула её за рукав.

Свитская ещё прикидывала, как ответить без мата, а Клара уже залпом хлопнула коктейль. Потом встала, пьяно буркнув что-то невнятное, и начала уходить.

— Ты куда? — поймала её Анфиса на выходе. Клара не взяла с собой ни пальто, ни вещи.

— Не твоё дело! — огрызнулась та и, выхватив свои вещи из рук подруги, запрыгнула в первое попавшееся такси. Водитель только закончил поездку и никак не ожидал такого прыжка на заднее сидение. — Плачу пятёрку, если

довезёшь!

Тот сразу же радушно улыбнулся:

— Куда едем, девушка?

Остаток фразы Свитская уже не слышала. Дверь захлопнулась, изолировав все окружающие звуки. Тем вечером Миланова в квартиру не вернулась, но Анфиса была настолько поражена идиотизмом происходящего, что не придавала этому значения. Подумаешь, к родителям поехала или сняла комнату в отеле. Вернётся.

Но, разогревая завтрак в шесть часов утра, сварливая особа угрюмо бормотала:

— Откровенно обнаглела! Бойкот решила устроить, побег, понимаете ли. Хоть бы позвонила, алкоголичка!

Вопрос справедливости стоял острее некуда. Свитская считала: разноса она не заслужила, а разгребать это всё тем более. Клара не кошка, а она не королева кошачьего лотка. Может, потому что в любом споре Фиса сначала отстаивала свою правоту. А друзья потом отваливались. Прямо как почки весной.

— Надо найти её, а то вдруг реально на мусорке дрыхнет,
— недовольно пробормотала Анфиса, отправившись на работу одна.

Она и правда искала Миланову на рабочем месте, но, спросив и охрану, и коллег, оказалось, что та не появлялась в лаборатории. В расстроенных чувствах Анфиса работала усерднее, чем обычно, хотя, казалось бы, лучше уже нельзя.

Оставался последний вариант. Тот самый, который она до сих пор не проверила и проверять категорически не хотела.

Анфиса Свитская: [Ты на работе?]

К Marks: [Допустим. Клару ищешь?]

Анфиса Свитская: [Сейчас подойду]

Ворвалась Свитская к Марку темнее тучи.

— Она сегодня не пришла на работу. Ты знаешь что-нибудь?

— Ночевать она тоже не возвращалась?

Очки девушки полезли на лоб:

— Ты и это знаешь?!

— Так это правда?.. Что ж, видит бог, не хотел я быть участником всего этого. На, посмотри. Кажется, Клара была пьяна, пока писала мне. Я ей звонил утром, но она не брала трубку, — и протянул собеседнице телефон с открытым чатом. Куча сообщений от Клары были пропитаны тревогой, смущением и даже ревностью.

Клара Миланова: [Почму ты мпняотверглб?]

Клара Миланова: [Чема ч не хχροша?]

Клара Миланова: [Анфиса тебе сказала что-то обо мне даб]

Клара Миланова: [Она стервп не встречййся с ней]

Клара Миланова: [Марк, почму ты не отвечаешь/]

Остальное Анфиса читать не стала. От увиденного её уже покорило. Хотя покорило легко сказать — девушка была сильно ранена. Казалось, что чёрствое сердце пронзила острая боль, будто в него вонзились тысячи игл.

Наблюдая, как быстро меняются микровыражения на лице девушки, Марк преспокойно отпил свой кофе. Вчера вечером, выйдя с квеста, он был, мягко говоря, в шоке от изобилия уведомлений. Рагушев насчитал от Клары в районе двадцати с лишним сообщений странного содержания. Если бы не младшая сестра, заинтересовавшаяся внутренней драмой, Марк скорее всего не стал бы читать всё это до конца — коллега тогда была явно не в себе. Так что если уж с ней разговаривать, то только лично.

— Там последним сообщением ссылка на коттеджный комплекс в Подмосковье. Скорее всего, она ещё там. Хочешь съездить?

Дочитав до конца, Свитская потерянно присела на край стола. Какое-то время она просто молча смотрела на свои руки. Ответила не сразу:

— Что ты сказал, когда Клара тебе призналась?

— Что она похожа на мою младшую сестру, и я не могу

⁷ «Почему ты меня отверг? Чем я не хороша? Анфиса тебе что-то сказала обо мне, да? Она стерва, не встречайся с ней! Марк, почему ты не отвечаешь?.. Марк!»

воспринимать её иначе, — Марк осторожно забрал телефон из рук Анфисы и, покопавшись в галерее, показал ей фотографию милой девочки с ямочками на щеках, очень похожей на мужчину внешне, а стилем и причёской сильно напоминающую Миланову. — Марина, знакомься. Правда милашка? У меня ещё фотки есть.

— Симпатичная, — тихо ответила Свитская. — Срочно скинь мне адрес из сообщения. Всё остальное не надо, я не хочу этого видеть.

— Поедешь к ней одна? — в этот момент смартфон Марка запиликал, напоминая о предстоящей встрече. Он pokrутил телефон в руках с минуту, вперившись глазами в пустоту. Затем отложил в сторону. Снова взял, перечитал сообщения — и залип, будто забыв, где находится. Бросив быстрый взгляд на Анфису, он шумно выдохнул, нервно провёл рукой по волосам и снова уставился на собеседницу:

— Слушай, не будь такой резкой. Подвезу. По крайней мере, я тоже в этом замешан...

— Ладно, — угрюмо ответила Свитская и тут же вышла из кабинета.

Когда они встретились на парковке, на улице уже горели фонари. Тёмное декабрьское небо над головой нависало над ними, словно тяжёлый неподъёмный купол. На асфальте ле-

жал растаявший, грязный снег. Анфиса подумала, что они с Марком очень похожи — для Клары она сейчас та самая склизкая лужица под ногами.

— Холодно? — окликнул её Марк.

— Нет, — Свитская наконец надела протянутый ей шлем.

— Воспоминания нахлынули.

— Не то слово, — рассмеялся Рагушев, снимая мотоцикл с предохранителя. Раздался рёв двигателя. — Садись.

— За тобой?..

— А ты куда хочешь? — усмехнулся он.

— Боже, дай по роже!.. Марк Владимирович, Вы явно переплачиваете за алфавит, — Анфиса бойко запрыгнула за спину мужчины, но вот руки поднять так и не решилась. Они зависли в воздухе, чуть касаясь края чужой куртки.

— Я просто так не даю, — обернувшись, Рагушев уже сам положил её руки себе на талию. — Ну, чего зависла?! Держись крепче! Если слетишь, похороны оплачивать не буду.

— Я твои тоже. Вези нормально, — Анфиса в отместку прижалась к нему вплотную, вызвав у водителя лёгкий шок.

Мотор взревел. Без лишних слов они выехали с рабочей парковки и направились по злополучному адресу — судя по навигатору, ехать им было около сорока минут. Анфиса думала, что Клара уже свалила оттуда, но всячески отгоняла дурные мысли. Да, девушка была жутко разочарована. Да, теперь ей трудно воспринимать подругу как прежде и видеть

в Кларе... близкого человека, которым она так дорожила. Но это не значит, что Свитская желала ей смерти. Она отложила обиду в сторону. На время. Безопасность человека, её соседки по квартире, сейчас была превыше всего.

Глава 4. Обнуление

Дороги из Москвы стояли полностью, но на мотоцикле эта преграда — не преграда. Прижимаясь щекой к тёплой спине, Анфиса смотрела на проплывающие мимо деревья, панельные дома, новенькие многоэтажки, а затем её взгляд случайно упал на профиль Марка. Шею мужчины еле-еле прикрывал воротник куртки, а на ярко-красных ушах лежали капли влаги.

— Ветер сегодня холодный... Ты не замёрз?

— Чего?! — прикрикнул он. — Ты когда говоришь, шлем-то поднимай!

— Ничего! — буркнула Свитская.

«Подумаешь, пусть мёрзнет, мне-то что».

— Я правда не услышал! — донеслось спереди, после чего мотоцикл сделал резкий и пикантный разворот у забора коттеджного комплекса. Наконец воцарилась тишина. — Следвай, приехали.

Анфиса тут же сняла шлем и кинула его хозяину:

— Лови глушитель. Лучше бы сам надел.

Марк ловко словил шлем, еле заметно улыбнувшись:

— Некая особа не взяла с собой шапку, не оставив иного выбора.

— То есть это я теперь виновата?!

— Ха-ха-ха, идём, Анфиса Сергеевна, нечего стоять на

улице.

Марк пошёл к воротам, поэтому Свитской ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Судя по информации из интернета, это был гостиничный дворик, каждый коттедж в котором сдавался за баснословные деньги. Самый маленький стоил десять тысяч за ночь на одного, а фаворит всех отдыхающих — сказочный особняк на берегу искусственного озера — все пятьдесят. В него-то и заселилась Клара. Анфиса уже прикинула, что на свою пьяную выходку Миланова потратила большую часть зарплаты.

«Что ж, не моё дело».

В административном корпусе ещё горел свет. Женщина лет пятидесяти с платком на голове сидела на диванчике рядом с окном, разглядывая, как игриво переливается свет фонаря на голых ветвях. Новым постояльцам в такой час она не удивилась.

— У вас есть свободный номер? — спросила Свитская, на ходу расстёгивая пальто. Марк стоял рядом, положив руки в карманы.

— Есть, чего ж не быть, — хихикнула женщина, возвращаясь за стойку. Из махрового халата она достала телефон, после чего включила компьютер. — Паспорта ваши, молодые люди.

Чтобы сэкономить, они арендовали самый дешёвый дом из всех, что сдавались на двоих.

Пусть Марк внёс большую часть, Анфиса всё равно не

могла без слёз смотреть на уведомление из банка о списании средств.

— Ваши ключи, — хозяйка комплекса выдала им две связки ключей и хитро улыбнулась, провожая пару на улицу. — Хорошо вам повеселиться, молодёжь.

— Спасибо! — Марк, приобняв Анфису за плечи, поклонился ей. Та незаметно двинула ему локтём в живот, но Рагушев даже не вскрикнул. Казалось, чем недовольнее была девушка, тем счастливее он становился. — Ты чего, красавица?

— Совсем берега попутал? — скривилась Свитская, словно после крепкого виски.

— Ну как же, милая женщина пожелала нам личного счастья, отчего же не поблагодарить? — ухмыльнулся Марк. — Помнишь, где снимает Клара?

В голове была настоящая каша из слов, она не знала, с чего начать. Из рта вырвалось нечто нечленораздельное. Но Рагушев словно всю жизнь только на этом инопланетном и говорил. Ответил так, будто понял не просто всё, а даже то, чего она не договаривала:

— Оставляю вас наедине. Наш под номером четырнадцать, откроешь сама. Я пошёл.

Анфиса продолжала стоять как вкопанная, даже когда от мужчины и след простыл. Сжимая в руках железный ключ, она направилась в сторону замёрзшего озера.

Горело три фонаря. Луна отражалась на поверхности льда. На лавочке у водоёма сидела парочка, по «катку» бегала маленькая коричневая собачонка, пытаясь угнаться за хвостом. Свитская выдохнула горячий воздух, тело её горело, словно в огне. Подле ног стояла пустая бутылка отборного коньяка.

— Лучше бы не приходила, — безрадостно изрекла в стельку пьяная Анфиса. Ладонь противно жгло, не давая ей забыть о недавнем разговоре.

А разговор был не из лёгких.

Часом ранее.

Свитская сделала первый шаг к одному из самых красочных домиков — на стенах его были нарисованы маргаритки, а крыльцо украшено жёлтой гирляндой.

Шаг за шагом по скрипящим ступеням Фиса поднялась по лестнице, встав напротив двери. По ту сторону слышалась музыка и женский пьяный вопль. Анфиса хотела напугать, может, закричать, как амбал, или залаять — Миланова очень боялась собак. Но этот вопль отчего-то заставил её передумать. Многие говорили, что она слишком жёсткая, чтобы быть похожей на человека. Но тогда почему Анфиса чув-

ствовала себя невероятно слабой, словно девочка со спичками в разгар вьюги?

«Почему же?» — Анфиса поморщилась, бессильно стукнув кулаком по двери. Как оказалось, было не заперто.

Сразу справа от входа находилась лестница на второй этаж, довольно крутая и извилистая. Света внизу не было, поэтому первые ступени утопали в темноте, словно лодки в штормовом океане.

Истошное пение доносилось сверху. «Отлично, она жива, в целом можно уходить», — несмотря на подобные мысли, Анфиса всё же включила фонарик и осторожно поднялась. Голос певуны звучал душераздирающе:

— Если бы я прыгнула в эту реку... человеко-о-ом!.. Который умрёт, если прыгнет за мной...⁸ Ик, — и внезапная тишина, за которой последовал звук удара обо что-то тяжёлое.

В комнате горел приглушённый свет. Внутри Свитская увидела три большие кровати, маленькую тумбочку с телевизором и туалетный столик. Шкаф стоял напротив спальных мест, а на полу, прислонившись спиной к дверце, сидела полубессознательная Клара. Её волосы спутались так, что в них гнёзда можно вить. Лицо опухло от слёз и алкоголя. А под пустой бутылкой водки, как финальный штрих, слетевший шерстяной носок.

— Клара, — Анфиса присела перед подругой на корточки и подарила смачную оплеуху, мигом разбудив бестию. —

⁸ Pavluchenko & Alexey Krivdin - Пека

Вставай.

Едва разлепив глаза и увидев перед собой Анфису, Миланова вскрикнула. По щекам её, как по щелчку, полились слёзы.

— Нашла тебя, — громко и чётко произнесла Свитская, не давая Милановой отвести голову. — Что, не ожидала? Хотела увидеть здесь кого-то другого?

— Прости, я... я... Марк тебе всё рассказал, да? Прости, я тогда была пьяна и... — слабо всхлипнула Миланова. — Потом уже не стала ничего удалять и... и...

— «Она стерва, не встречайся с ней», «она тебе говорила гадости обо мне» и бла-бла-бла... Это детский сад, заюш, — Анфиса скрестила руки на груди, стараясь не смотреть собеседнице в глаза. — До чего доводит ревность! Знаешь, даже обидно как-то, я ведь считала тебя подругой. Печально, что это не взаимно, — Свитская говорила быстро, стараясь скрыть дрожь в голосе. Она словно вонзала клинки сама в себя. — Если тебе было так плохо и одиноко, ты могла бы написать утром и всё объяснить. Могла бы вернуться домой и сказать: «Слушай, Фис, нам надо поговорить. Я схожу с ума от ревности к мужчине из-за тебя, который мне даже не принадлежит. Я не могу контролировать это, но дружба с тобой для меня по-прежнему важна...». Ах, о чём это я?! Ты ещё и адрес ему прислала! Ждала, гадюка ты такая, целый день. Мне же — ни слова. Ни одного, мать твою, маленького сообщеньца о том, где ты, как ты, что ты.

Клара тупо смотрела на неё, не смея вымолвить ни слова. Чем больше Анфиса на неё смотрела — такую, разбитую, беспомощную, — тем сильнее внутри закипало то, что она так долго пыталась в себе задавить. Гнев.

— Что бы ты делала, если бы он даже не прочитал? Очнись! Устроила такой бардак из-за сраного Рагушева! И, о да, забыла сказать, поздравляю! Ты добилась своего, Марк приехал! Он сейчас здесь, в четырнадцатом коттедже! — эмоции зашкаливали настолько, что Анфиса уже не могла остановиться. Будто на автомате она достала из кармана ключи и пульнула в Миланову. — На! Иди! Вперёд! Заберись к нему в постель, ты же ради этого отреклась от меня?!

— Фиса... — еле слышно прошептала Клара. В этот момент она выглядела крайне потерянной.

— Прочь! Давай, вперёд! И знаешь что? Завтра я съеду, возрадуйся. Верни мою часть квартплаты за этот месяц добровольно, в ином случае жди повестку в суд! — вдохнув наконец воздуха, Анфиса стянула с себя одежду, кинула её на пол и показательно разлеглась на одной из кроватей.

Спиной она чувствовала взгляд Милановой. Никто не говорил. Затем послышалось шуршание и лязг ремня. Спустя пять минут в комнате погас свет и никого не осталось. Дождавшись, когда шаги стихнут, Анфиса вскочила с кровати и подбежала к окну.

— Она действительно пошла... — слова сработали как спусковой крючок. Свитская разрыдалась. Влажное дыхание

заволокло белой дымкой стёкла очков.

Тогда-то Анфиса и заприметила пустую лавочку на берегу озера. Мрачную и холодную, как и всё внутри неё сейчас.

Четырнадцатый коттедж снаружи выглядел, как гигантские часы с кукушкой. Крыша-треуголка, окна с резной оправой, как в детских фильмах про волков и Кощеев, и фонарик с ручками у порога, кланяющийся гостям.

Марк сидел на диване перед телевизором, смотря развлекательную передачу по ТВ. Грея ладони о чашечку горячего чая, он думал вовсе не о сюжете шоу, а о своём. Ещё вчера он пожелал спокойной ночи своему любимому птицееду Заечке и лёг спать, а уже этим утром вынужден был столкнуться с пьяным спамом от коллеги, получить нагоняй от начальства за отсутствие его сотрудницы на рабочем месте, а также... Да-а-а, вот теперь он вспомнил, где собака зарыта.

Это случилось тогда-не-помню-когда. Неделю до этого Марк мучился от последствий столкновения с чужим лбом. Голова болела жутко, а тут ещё и перемены в погоде... В общем, Рагушев был не в лучшем расположении духа, когда Миланова поймала его в пятницу вечером и робко призналась в любви:

— Мы работаем вместе уже два года и... всё это время мне нравилось наблюдать за тобой. Как ты преподаёшь,

пьёшь кофе или смеёшься над шуткой про мёртвую милфу... Как фанатка за айдолом, знаешь, — а затем тут же испуганно добавила. — Ну, я так думала первое время. Что это лишь восхищение. Но когда мы оба задержались на работе, помнишь? И затем пошли за кофе. Когда ты рассказывал про свою студенческую жизнь, я в-друг осознала... осознала, что хотела бы быть частью твоего будущего, — прикусив губу, Клара нервно посмотрела на мужчину. — Как насчёт того, чтобы встречаться?

Марк помнил, что в тот момент голос девушки был тихим, смущённым и заискивающим, будто у ребёнка, пытающегося выманить кусочек торта перед обедом. К сожалению, детям сладкое перед едой не положено.

— Извини, но ты слишком похожа на мою младшую сестру, я не могу воспринимать тебя иначе. Ты очень хороший человек, Клара. Желаю, чтобы рядом был тот, кто будет ценить и любить тебя так, как ты того заслуживаешь.

— Марк... — еле сдерживая слёзы, прошептала она.

— Я не могу отдать тебе столько же, скольким ты готова пожертвовать. Мне очень жаль, — Рагушев опустил руку ей на плечо и слегка сжал, как бы приводя девушку в чувства.

— Поняла тебя.

В тот вечер Клара быстро ушла. Какое-то время всё было хорошо, Рагушев старался вести себя, как обычно, чтобы не смущать её. Всё же им ещё работать вместе. По прошествии времени он и вовсе расслабился, думая: *«Может, мне*

уже придумали кличку в кругу её подруг и от души прокляли. Я даже хотел предложить свои волосы для куклы-вуду... хорошо, что не предложил. Это чертовски странная идея, Марк,— допив чай, Рагушев взглянул на часы, — Анфиса ночевать там решила, что ли? Впрочем, сама разберётся. Спать охота».

В фильмах есть такой трюк, позволяющий манипулировать настроением зрителей — сначала всё очень-очень хорошо, что аж странно, и ничего не происходит, и продолжает не происходить... Странное предчувствие появляется, да? Насмотренные в такие минуты замирают и ждут подвоха. А если его нет, обязательно расстраиваются. И вот стоит им подумать: «Неужели не будет?», как подвох прилетает в гости во всей красе. И красуется, красуется, красуется.

Так же и здесь: стоило только Марку о царстве Морфея задуматься, как на пороге появилась неожиданная гостья. Как говорится, вспомнишь солнышко — за ним появится лучик, а-ля Клара собственной персоной. Видя, как девушка жалко дрожит на ветру, Рагушев немедленно пустил её внутрь.

— Клара?!

Сняв шапку, Миланова зачесала свои радужные пряди за уши и шёпотом пробормотала:

— Прости... — она протянула ему связку ключей с номерком «14». — Прости за беспокойство...

— Ты... Доброй ночи, нет, подожди, сколько ты стояла под дверью?

А Клара молчала. Подойдя к двери коттеджа, она так и не осмелилась зайти сразу — простояла там минут двадцать, пялясь то на крышу, то на порог. Может, от алкоголя согрелась, а может, просто испугалась, но Миланова впервые с той ночи в баре поймала себя на мысли: *«И что я вообще натворила?»*.

Когда это началось?

Девушка взглянула на человека перед ней. Высокий, красивый, добрый, относится к ней хорошо, но не по-особенному, просто по-человечески хорошо. Марк добрый, действительно добрый и харизматичный человек.

— Клара?.. Эм, у меня что-то на лице? — периодически от мыслей Миланову отвлекали фоновые звуки, но она их умело игнорировала.

Что пошло не так? Почему по пьяни она сказала такое об Анфисе? Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, но Клара никогда не... что «не»?

Ей не первый раз разбили сердце, не первый раз она думала, что с ней что-то не так. Анфиса... с ней они знакомы больше, чем те два года, проведённые с Марком. Фиса тоже относилась к ней хорошо. Учёная всегда была умнее, выше и красивее, у неё сучий характер, но с близкими она мила и нежна, как белая лилия — такое вызывает привыкание. Клара начала ей завидовать с тех пор, как они вновь встретились в коридорах научного института.

— Я такое ничтожество, ты гораздо лучше, — часто гово-

рила она Анфисе после того, как девушки съехались.

Тогда Свитская отвлекалась от дел и с грозным видом дарила ей два щелбана:

— Пусть психолог ебёт твоих тараканов, а не ты мою голову, лады? Меня всё в тебе устраивает, кроме твоей этой дурацкой привычки проедать себе мозги.

— Но...

— Тш-ш-ш. Я ужасно поддерживаю людей, заюш. Лучше скажи, будешь торт?

— У нас же нет...

— Это не ответ на мой вопрос.

— Б-буду...

И Анфиса собиралась и шла в магазин за тортом, а Клара громко плакала. Но уже не от того, что вокруг всё плохо, а от того, что у неё есть такой человек рядом. Разве это может быть реальностью? Разве желчь её завистливого сердца стоит того, чтобы ссориться с Анфисой?..

— Клара? — снова спросил Марк. Пока Миланова стояла в ступоре, толком и не раздевшись, он успел приготовить для неё чай. — Возьми. Отогрей руки.

— П... п-п...

— Не торопись, потом скажешь. Я всё равно не собираюсь уходить.

— П-прости меня!.. Я... хнык... я... что я натворила? Втянула тебя в это... Прости, прости, прости...

Рагушев неловко потёр нос. Он было дёрнулся к ней, что-

бы обнять, но тут же сжал руки в кулаки. *«Нет, от такой поддержки будет только хуже. Всё же она не Маришка, имей совесть, Марк».*

— М-м-м... Я не знаю, что между вами двумя произошло, но, если я имею право давать тут советы, то сейчас тебе стоило бы поговорить с ней, а не со мной.

— Д-да, ты прав, я... — Клара утёрла слёзы, после чего треснула себя по щекам. — Веду себя жалко. Наверное, на это противно смотреть.

— Всё нормально, — Марк слабо улыбнулся.

— Спасибо тебе, Марк... Я... я не самый умный человек и то, что наговорила тебе и Анфисе уже не исправить, но мне правда искренне жаль и... мои чувства — они искренние. Прошу, не ненавижь меня... — она робко посмотрела на мужчину из-под опущенных ресниц.

Рагушев наконец не выдержал и потрепал её по голове, словно успокаивая дитя:

— Спасибо. Я ценю твою смелость.

— А-ага... Но, знаешь, я не думаю, что Фиса захочет сейчас меня слушать...

Марк призадумался. В мыслях тут же всплыло ворчливое личико Свитской.

— Да, это вполне вероятно. Она была не в духе всю дорогу.

Миланова чуть ли не расплакалась на месте. Понятно, из-за кого Анфиса была «не в духе».

— Ф-фиса, когда злится, ча-часто засиживается на улице. Сейчас холодно, боюсь, она за-заболеет...

— Так, отставить панику. Ты иди спать на кровать, а я пойду поищу её. Завтра последний рабочий день, рано помирать.

— Х-хорошо, — послушно кивая, Клара медленно побрела к кровати.

Сам Марк через минуту уже собрался и был таков.

Бывают мастера коммуникаций — друзья у таких появляются даже там, где их быть не должно. А кто-то — просто Анфиса. Они мало с кем общаются, эти Анфисы. У неё всего-то один-два человека, которых можно назвать по-настоящему близкими. Есть коллега Егор — с ним можно выпить, но они не более чем приятели. На работе говорят о работе, после работы — о его личной жизни и алкоголе. Анфиса до сих пор встречается с ним и его Никой в пабах чисто потому, что папа в детстве говорил ей, что себе наливают лишь алкоголики. Есть ещё Анечка, Свитская-младшая. Они долгие годы находили спасение друг в друге и это, наверное, единственный человек, по поводу которого Анфиса всегда была уверена. В любом случае, они на одной подводной лодке, семья же, если и потонут, то вместе.

И есть Клара. Если так подумать, она единственная, ко-

го Свитская подпустила так близко. У неё раньше были и другие друзья, в школе например — но чем больше времени проходило, тем менее «удобной» она для них становилась. Благодаря матери Анфиса быстро осознала: если не будешь защищать себя, то от твоего брэнного тельца останутся только кожа, кости да пара синяков.

Тогда, увидев радужную макушку возле торговых автоматов своего нового альма-матер и, по совместительству, места работы, Анфиса отчего-то решила подождать её.

— Привет, помнишь меня? Мы учились вместе.

Миниатюрная девушка от неожиданности аж потеряла равновесие, едва не влетев лбом в стекло:

— Напугала меня! К-кто это?.. — обиженно пробурчала она. — Ах, Анфиса, ты?! Какими судьбами?!

Свитскую позабавил блеск в её глазах, словно та столкнулась со своим кумиром:

— Такими же, как и ты. В аспу поступила?

— А-ага! — не зная, куда себя деть, Клара неловко переводила взгляд то на собеседницу в официальном наряде, то на себя в ботинках с розовыми пяточками. — Б-будешь мармеладки? Я купила слишком много...

С того дня, как Свитская приняла эти мармеладки, они общались каждый день, а затем и переехали вместе поближе к НИИ.

Она была не очень умелой в близких отношениях, поэтому общалась с Кларой так же, как со своей Анечкой. В сло-

вах подколы, даже резкость, по-другому не умела. Узнав, что Клара мало того, что ревнует, так ещё и думает о ней так, Анфиса не знала, что делать. Она уже давно привыкла, что все вокруг считают её «наглой Свитской» и прочее. Но чтобы Клара так о ней... это уже перебор. Этот Марк — как бомба замедленного действия. С тех пор как они встретились на парковке, её маленький мирок начал рушиться.

Анфиса — да она готова была простить подругу, ей самой этого безумно хотелось — если бы та просто сказала «прости» или хоть как-то попыталась оправдаться.

Хоть... что-нибудь.

— Анфиса Сергеевна, вот Вы где, — раздалось со спины, с грохотом разрушив мысленные замки.

Девушка даже не шелохнулась:

— Чёй-т... пришёл?

— Да так, загнать тебя в постель, — облокотившись на спинку скамейки, Марк наклонился к лицу Анфисы. — Холодно, иди-ка внутрь. Нам вставать в пять.

— Эт рассказала теб... тебе, да? Искать... на улице.

Когда обиженная кукуруза открыла рот, в нос Марка тут же ударил резкий запах спирта:

— Фу-фу-фу. Анфиса Сергеевна, как Вам не стыдно? Пьёте посреди рабочей недели. Так и заснуть на морозе недолго, — он подхватил её подмышки и легко поставил на ноги. — Идём-ка.

— Отпуст... и. Что ещё она теб... рассказала, а? Что я

злая, что с... ука?

— Да нет же...

Анфиса вяло боролась, но Марк был сильнее, да и держал крепко. Уже через пять минут они поднялись на второй этаж сказочного домика.

Рагушев усадил её на кровать и, пыхтя, начал стягивать с пьяной особы ботинки и верхнюю одежду. Тем временем Свитская, будто ей кофеин внутривенно ввели, болтала без умолку:

— Ты лезешь не в своё дело. Всё из-за тебя... Если бы не ты, если бы не Тимофей Колаич со своими идеями, расписанье это грёбаное... С того дня всё рушится. Ненавижу, — беззвучно всхлипнула она. — Ненавижу, ненавижу, ненавижу это всё.

— Поговорим, когда протрезвеешь, ладно? — убрав пальто и ботинки в шкаф, Марк отряхнул руки. — Спи.

— Я блгдарна, что... рассказл обо всём, привёз сюда и всё такое. Но с эт момента н... не разгвривай со мной вне работы. Держим дистанц... дистанционно. Мы не друзьяшки какие, да даже не приятели, между нами должны быть максимально нейтральные отношения, — Анфиса неподвижно лежала под одеялом, выдавая обрывки своих мыслей.

Уже перешагнув одной ногой за порог, Марк резко остановился. Он как ни уговаривал себя: «С пьяными бабами говорить — себя не уважать», а всё равно задело. Больнее, чем он думал:

— Мне казалось, что мы неплохо поладили за это время. Я ошибался?

Свитская сглотнула тяжёлый ком в горле:

— Да. Эт была большая ошибка. Не ндо пытаться со мной пол... поладить, я та ещё мраз-з-зь. Ты трух-х-хля, раз так быстро прощал меня. Запо-о-омни, ба-байкер, не связывайся со мной, видеть тебя не же-ла-ю!

— Даже так?

— Дыа-а-а! Сги-и-инь! Видтьтеб.. тебя не жлаю!

Когда Марк вернулся в домик, пребывая в трансе, Клара уже спала. Скинув уличную одежду, он закрылся в ванной и долго стоял под горячей водой.

Кипяток стимулировал нервные клетки, хотелось отдёрнуть обожжённые плечи, но Рагушев продолжал терпеть до тех пор, пока не стало совсем невыносимо.

— Чёрт, когда меня в последний раз так выбешивали, а? — вдохнув поглубже, Марк убрал со лба чуть влажные волосы, а затем медленно выдохнул.

Вообще он хорошо интегрировался в общество. Не сказать, что идеально, но многие, если почти не все, в лицо говорили, что у Марка приятный характер, что с ним комфортно находиться рядом, да и внешностью природа не обделила — голубоглазый, чернобровый, фигура рельефная. Как говорила мама: из него бы вышла красивая девочка.

Характер у него, конечно, приятный, но уж точно не резиновый. Просто чтобы вывести, нужно хорошенько поста-

раться. И вот, начиная с неудобных вопросов и заканчивая грубостью и откровенной стервозностью, помимо смазливового личика, Марк сейчас вообще не видел в Анфисе никаких плюсов.

— Хах, — он яростно пнул дно ванны. — А я ведь и правда старался быть милым. Да пошла она нахуй.

Глава 5. Привет, Анонимка

Улица, фонарь, мотоцикл. Дорога — словно пятиструнная гитара, по которой в гамме до-ре-ми-фа-соль мчались стритрейсеры. Взгляд одержимый. *«Нужно ускориться»*, — пронеслось у всех в голове. Ветер задувал под одежду. Холод пробирал до костей.

Обгон, снова обгон. Марк держал руль своего Кавасаки словно руки любовницы — они вальсировали вместе, избегая остальных четырёх кавалеров с их дамами. Ночью, под шлемом, никто не видел безумный азарт в глазах черноволосого гонщика. Никто не знал, что он до жути боялся скорости — но именно поэтому постоянно шёл на риск. Чувство, что ты преодолеваешь слабости, словно герой какой-нибудь фэнтезийной книги, было невероятно захватывающим.

Парад самоубийец завершился победой того, чьи голубые глаза горели по-волчьи в ночи. Они, как обычно, заехали в клуб, чтобы отпраздновать. Время после полуночи, резкий выдох, шум — и тишина, разорванная ударом. Тот, кто начал драку, был осуждён. В ответ — удар под рёбра, прямой и совсем бесхитростный. Марк дрался интуитивно, не заботясь о защите. Челюсть ныла от боли, но, благо, не выбили. Чем дольше продолжалась потасовка, тем сильнее Рагушев злился: его бесило, что по волосам и куртке мерзко капал дождь, затекая за воротник, что все вокруг говорили на по-

вышенных тонах, будто не на ночной улице, а на концерте рок-группы, а ещё — раззадоренная морда того, кого он по-сватал с холодной землёй. «Неприятненько», — подумал он, когда свет вывески клуба ударил в глаза, освещая его испорченную одежду и чужую кровь под ногтями.

Их с трудом растащили. Потом... потом была больница. Травматология, очередь в коридоре, безразличные врачи. Марк подписал отказ от госпитализации и, не оглядываясь, поехал домой. По дороге его сопровождали звёзды.

В новой многоэтажке недалеко от квартиры матери и сестёр во время застройки распродавали квартиры. Марк внёс первым платежом три миллиона, поэтому оформил сорок два квадрата по наименьшей ставке. Собственно, ради дополнительных выплат он и взялся за работу педагогом, помимо своей основной деятельности. Преподавать, конечно, ему нравилось, но Рагушев никогда не считал себя трудо-голиком, да и вообще придерживался девиза: «Чем меньше сверхурочных, тем лучше». Хотя в научной среде этого не избежать, он всё равно старался заканчивать всё вовремя.

Вчерашнее утро было отвратительным, поэтому развеять-ся ему хотелось особенно сильно. Но не судьба. Когда Марк с Кларой пришли сдавать ключи, оказалось, что Анфиса уехала на час раньше.

— Как это уехала?! — Миланова осела на пол прямо на ресепшнере и разрыдалась.

— Уехала, ключи сдала, хвостом мотнула, ну его-за! А чего у вас произошло? — хозяйка комплекса вдруг оживилась. — Молодой человек, а вы с двумя, что ли?

— Я...

— Не осуждаю, ко мне всякие компании заселяются, много повидала. Ну вы б сразу сказали, я бы волшебные резиночки дала, — она полезла под стойку и достала презерватив. — У меня много для гостей!

От абсурдности происходящего у Марка началась мигрень. Так ещё и Виола, первая младшая сестра, написала, что ей срочно нужна помощь.

— Дурдом... — взвыл Марк, после чего постарался убраться из гостевого комплекса побыстрее.

В тот момент Марку очень хотелось, чтобы детская игра «я в домике» работала и в жизни. Он бы с радостью спрятался под звукоизоляционной крышей.

Поэтому, натерпевшись всякого за день, искатель приключений связался со своими знакомыми байкерами и так принял приглашение на участие в гонке. Мужики планировали проехать от Химок до Зеленограда, а затем обратно в Москву. Ночью дороги пустые, чистые, как совесть младенца. Или плоть невинная, кому как больше нравится. Тридцать километров — почти никого. Марк так заигрался, что даже победил в гонке. И если бы не один проблемный нови-

чок, всё было бы идеально.

— Цк... — стоило Рагушеву приподняться с кровати, как в плечо стрельнула резкая боль. Доковыляв до ванной, он размотал старый бинт — под ним скрывался сине-фиолетовый красавец размером с яблоко.— Лень мазать... Может он сам заживёт как-нибудь?

И будто бы услышав его грешные мысли, телефон вдруг стал разрываться от череды уведомлений.

— Хм?

Это была Лера.

Лера: [3 пропущенных вызова]

Он и просмотреть-то всё не успел, как тут же подруга позвонила по видеосвязи.

Марк даже ничего сказать не успел — Лера приблизилась к экрану и завопила:

— Что на этот раз?! Один день, Марк, один день мы не связывались, и ты снова получил травму!!!

— Как ты узнала? — лениво спросил он, почёсывая торс.

— Заведующая отделением — подруга моей мамы.

— О-о-о!.. — он сонно моргнул. — Понятно.

— Что тебе понятно, идиотина ты эдакая?! Что я тебе говорила, а?! Эти твои рейсы!..

У Рагушева в одно ухо вошло, из другого вылетело. Абсолютно не придав значения словам подруги, Марк мило улыб-

нулся в камеру:

— Да, да. Всё равно не брошу, закрыли тему. Чем займёшься? Артём сказал, что сегодня чисто мужская компания, — он спросил первое, что пришло в голову. Этим вечером состоится празднование дня рождения Артёма Корчагина, мужа Леры и, по совместительству, хорошего друга Марка. Именинником Корчагин был ещё неделю назад, но собраться большинство приглашённых смогло лишь сейчас. Пару дней назад Артём создал чат и расписал всё — и о том, что идут они в клуб, и о том, что будет чисто мужская компания. Рагушев знал: чтобы отвлечь Леру, нужно заговорить о муже. Потерять его для неё, как сесть на пожизненный гемодиализ⁹. Поэтично, чёрт возьми.

— С подругой в театр. Тёма мне заранее сказал, что хочет устроить мальчишник. Да и мы с ним праздновали день в день, он принарядился тогда... Представляешь, цветы мне в свой день рождения подарил!

— Вот как... Потрясающе... А что было потом?

— Потом, ну... кхм... — Лера смущённо отвела взгляд, бормоча что-то невнятное себе под нос, а затем резко встрепенулась. Дикой кошкой накинулась на Марка, едва ли не рыча от злости. — Ма-а-арк! Не переводи тему! Ты чуть рёбра не сломал!

— Разве законно просматривать чужие заключения? — драматично вздохнул он. — Я так не играю.

⁹ Гемодиализ — процедура очистки крови при отказе почек.

— Ма-а-арк!

— Бабуль, это не из-за мотоцикла. Я подрался, так вышло.

— И что же вы не поделили?

— М-м-м, он сказал то, чего не следовало. — Марк лениво зевнул. Естественно, он бы не стал никому говорить, что подрался из-за того, что один придурок оказался другом детства девчонок со старого дачного посёлка и настойчиво просил контакты Виолетты.

— Теперь тебе некомфортно в той компашке, и ты бро-сишь?

— Аха-ха-ха. Не-е-е, всё норм, того парня уже изгнали.

— И-изгнали?

— Ага.

Лера уже не стала докапываться — растянув уголки губ, Марк опять посмотрел на неё этим щенячьим взглядом. Он всегда делал такое выражение лица, когда хотел сказать «я тебя слышу, но мне всё равно». Этот юный волчара ещё в универе умел обвести вокруг пальца кого угодно. Его отчитывали, а он с таким умным видом слушал — преподы прям таяли. Потом и отношение совсем другое. Да что там — Лере самой было не под силу с ним спорить.

Марк был хорош во всём, кроме тех случаев, когда не хотел быть хорошим. Например, по поводу его наплевательского отношения к здоровью они не в первый раз спорят, и не в первый раз Корчагина теряет дар речи. Если продолжить давить, то Рагушев просто перестанет отвечать до тех пор,

пока собеседник не сменит тему. Это было своего рода молчаливое давление. Даже близким он не позволял «лезть, куда не надо».

В конце концов, Лере ничего не оставалось, кроме как смириться:

— Повеселитесь там и много не пейте.

— Хорошо, хорошо, бабуль.

— Радуйся, что бабуле надо бежать на смену. Днём наберу тебе, чтобы все свои травмы обработал!

— Так точно, мэм. Пока? — и сбросил трубку.

К Marks: [хорошего денёчка]

Лера: [И тебе, милоч]

К Marks: [бабуль, ты не отреклась от меня, ах, я так тронут]

Лера: [Передай своей маме, что ты невыносим]

Марк переслал последнее сообщение маме, после чего быстренько закончил дела в ванной и переместился на кухню. Тут у него стоял не только холодильник с едой, но и терариум с любимой паучихой-птицеедом Заечкой.

— Ты ж моя страхолюдинка, муа, — нависая над стеклянной коробкой, Рагушев с любовью гладил пальцем спинку своей домашней любимицы. К слову, прозвище она получила после того, как успешно отпугнула Наташку, третью младшую сестру, которая собиралась притащить своего парня в

квартиру, пока братишка отсутствовал. Было весело. Особенно Заечке.

Но если девки не пытались оккупировать квартиру без его же ведома, то Марк радушно принимал их в гости. Марина, четвертая сестра, училась в 10 классе и проходила тот самый бунтарский период. С мамой они часто ссорились, отчего Марина в пылу ссоры сбегала из дома. И сбегала пятнадцатилетка, конечно, к старшему брату. Это уже была рабочая схема: и мама не волновалась, что Марина шляется неизвестно где, и она сама чувствовала себя очень самостоятельной и хитрой в такие моменты. Все были в плюсе.

Виола, первая сестра, и Катька, вторая, появлялись у него редко. Виолетта жила с парнем и давно уже вышла из подростковой фазы. Они с Марком периодически созванивались, дабы обсудить дела насущные. Виола часто звонила ему, чтобы посоветоваться. Что касается Катьки... ну, Катька есть Катька. Ещё одна головная боль. Эдакая энтузиастка — часто приглашала его гулять со своими друзьями: то на квесты, то в кино. И вот непонятно, чего ей нравилось больше: хвастаться братом-учёным, гулять на халяву (ведь он старший и платит) или сводить его с одной из своих одноклассниц. Но Марку в целом было всё равно на истинную причину. Чем больше он сопротивляется, тем хуже — закон выживания в женском коллективе. Папа плохому не научит.

— Сегодня на завтрак у нас куриная котлета под... э-э-э, рыжим соусом и тараканы, — Марк растерянно огляделся.

— Куда я поставил твоих пленников?

Пока он рыскал по столу в поисках корма для Заечки, телефон разрывался от наплыва сообщений. Разобравшись наконец с едой для одного человека и одного паука, Рагушев быстро пролистал уведомления.

Ванито: [как реббра, курочк?]¹⁰

Ширлик: [Маркуша, пойдём бухать]

Мама: [Я знаю. Это Лерка пишет? Как у неё дела?]

Головная боль 3: [pfdzk.cm r nt, tyf [fne?,hj,]¹¹

Шило в жопе 4: [ты же на др к Артёму? там будет Миша??]

далее Федя, Михаил Потапов...

(нажмите, чтобы просмотреть всё)

Марк устало вздохнул.

Федя: [(смешное видео про аварию)]

Федя: [Это ты]

К Marks: [и тебе не хворать]

Федя: [чё как дела?]

Он вдруг вспомнил Анфису. Ночь, пьяная девушка на кровати, снег за окном... Так мог бы начаться фильм харак-

¹⁰ «Как рёбра, курочка?»

¹¹ «Завалюсь к тебе на хату, бро»

терного жанра, но по итогу стало одним из самых неприятных воспоминаний за последнее время. Её плаксивый голос эхом раздавался в голове, вызывая лёгкие покалывания в висках.

К Marks: [всё норм, как там твоё?]

Федя: [Купил курсы по правильной осанке. Заметно лучше стало, даже Люся заметила, а ещё... (развернуть)]

О себе Марк рассказывать не любил. Вот народ к нему и валил — кому ж не хочется, чтоб его выслушали? А он, на их счастье, слушателем был от бога.

Слушателем, да.

К Marks: [(печатает...)]

Перебирая пальцами по экрану, Рагушев угрюмо спросил у довольной Заечки с едой во рту:

— Думаешь, это всё же были её настоящие мысли, а не пьяный бред?

Ответом ему стал предсмертный хруст тараканьего панциря.

— Вкусно тебе, людоедочка моя? Утю-тю-тю.

Ночной клуб где-то на западе города.

В частной комнате с видом на Москва-реку, попивая алкогольный коктейль, сидел Марк. На нём была чёрная сорочка, такие же тёмные брюки и солнечные очки — как и прочие девять гостей, он оделся в стиле «Людей в чёрном». Артём — статный мужчина с длинными волосами, похожий на викинга с обложки одноимённого сериала — был заядлым фанатом этой серии книг, а ещё хотел сделать, по его словам, «мега-пафосную селфуху» для соцсетей.

Прошло уже два часа с начала празднования. Сначала они просто пили, потом к ним присоединилась танцовщица. Марк краем глаза видел голые тела юной девушки, мелькающие перед ним, но в большей степени наблюдал за лицом именинника. Артём сидел во главе стола, закинув руки на спинку дивана, практически вплотную к танцовщице. Он широко улыбался, шепчась о чём-то с мужчиной в футболке и похабно посмеиваясь. Вдруг искра, буря, безумие — в тот момент, когда голые груди предстали перед людьми в чёрном, взгляды Марка и Артёма пересеклись. Многозначительно хмыкнув, Рагушев подмигнул другу и отвернулся. Корчагин же покрылся испариной. Замер с разинутой харей на диво гостям, будто ждал, пока туда залетит и совьёт гнездо домашняя муха.

— Эй, Маркуш, — неловко отодвинув от себя девушку, он пролез к краю дивана, туда, где сидел Рагушев.

— Чего? — Марк смотрел на то, как девушка суетливо

надевает кружевной бюстгальтер и также спешно уходит.

— Я ничего не знал, Глеб сам решил сделать сюрприз, — несколько виновато сообщил Корчагин, указывая на мужчину в футболке. — Не говори ей, лады?

— Ты сделал что-то противозаконное? — Марк отпил свой алкоголь, с непроницаемым выражением лица глядя на друга.

— Что?.. — недоумённо переспросил Артём. К этому моменту прочие гости тоже стали оборачиваться.

Перед глазами Рагушева предстал образ Леры, утешающей маленького его на коленях. Школьная юбка была вся мокрая от слёз, но девочку это ничуть не смущало — она вновь и вновь шептала мальчику «всё хорошо» до тех пор, пока горестные крики не смолкли. Марк вдруг рассмеялся и, по-братски притянув Артёма к себе, прошептал тому на ухо:

— Ты же не изменял ей, верно? Чего ж ты так переживаешь, а? Ха-ха-ха.

— Нет конечно, аха-ха-ха, о чём это ты?..

— Аха-ха-ха! Ну конечно ты не стал бы, — Рагушев поднял перед его лицом крепко сомкнутый кулак, а затем разжал. На стол упала порванная салфетка. — Ты же знаешь, я те яйца оторву за такое, аха-ха-ха! — и резко отпустил Артёма, отчего тот опрокинулся на спинку дивана.

Корчагин нервно улыбнулся:

— Аха-ха-ха, да, ты прав. Даже не знаю, чего это я... — а затем, развернувшись к гостям, громко объявил. — Так,

пока все ещё трезвые, кто в правду или выпивку будет?!

— Я!

— Йя-а-а-а!

— Их-х, я!

По итогу последующие два часа они играли в «напейся или выпей». Долгое время Рагушеву жутко везло, но это до тех пор, пока Глеб не прочитал то, что у него написано на карточке:

— Я даю задание — Марк выполняет. Но только если к началу раунда у него нет выпивки, — он гаденько так усмехнулся, взяв в руки опустевший на прошлом кругу стакан байкера. — Готов? Задание тебе нужно интересное... Так-так-так, — Глеб осмотрел приятеля с ног до головы, а затем, будто получил озарение свыше, стукнул карточкой по столу, провозгласив, — Поверти-ка с мужиком в анон-чатике за...

— За милую девочку лет тридцати пяти, жаждущей ласки и молодого сексуального жеребца, — вклинился самый молодой участник людей-в-чёрном. Весь праздник он только и делал, что пил и визжал в аккомпанементе с другими.

— Не ожидал, что вы такие извращенцы, — Марк даже улыбнулся от изумления.

— У меня богатая фантазия, Маркушенька-душенька. Давай, давай, — подначивал Глеб, гаденько так потирая ладони.

— Судя по «сюрпризу» для именинника, вся твоя фантазия сосредоточена в другом месте, — Марк красноречиво

изобразил пальцами энную мужскую область.

— Ты чё, борец за права женщин или кто? — Глеб покрутил у виска. — А-а-а-а, постой-ка, слышал, что ты ладишь с его жёнушкой. Потрахиваешь сам, вот и психуешь?

— Ребят! Ребят. Продолжим, ладно? — Артём подошёл к Глебу со спины и заткнул тому рот, улыбаясь остальным. — Марк, давай заменим задание, если оно тебе не нравится...

— Нет, мне всё нравится, — Рагушев растянул уголки губ. В крови его разыграл азарт и пара литров спиртного. Он посмотрел на Глеба, как охотник на чучело, после чего кинул свой телефон на стол с открытым поисковиком. — Какой сайт выбрать? Их тут сразу пять.

— Вот этот, — тыкнул один из людей-в-чёрном на первую иконку.

— Давай, красавица, смелее.

— Маркушенька, не стыдись, ты такая сасная тётка! — подливал масла в огонь кто-то из гостей.

— Да ну? — сквозь зубы проскрипел Рагушев и, как и было оговорено, выбрал «женский пол, 35 лет, флирт 18+». Очень долго он не хотел никуда нажимать. Если оценивать по шкале от одного до десяти его нелюбовь к анонимным чатам, то результат будет десять тысяч. С затянувшимся дискомфортом в груди он думал: *«Если бы не вчерашняя потасовка, этот придурок в футболке уже лежал бы под столом, цк»*.

— Хотели? Да пожалуйста, — поджав губы, Марк нажал

«начать чат».

Первым же собеседником стал некий Анатолий двадцати лет. Студентик.

День назад. В пятницу вечером.

Анфиса пришла домой пораньше, чтобы не столкнуться с Кларой.

— Почему их так много?! — Свитская не ожидала, что за два года памятного барахла накопилось так много. Она решила: пока не найдёт новое жильё, проживёт в ближайшем отеле.

— Специалистов вызывать, что ли... Блин, пакет порвался. Складывать теперь некуда!

Тасуя одежду и предметы первого обихода по сумкам, она не заметила, как входная дверь приоткрылась и внутрь проскочила Клара. В одной руке она держала упаковку мармелада, перевязанную бантиком, в другой — пакеты с закусками. И всё это полетело на пол, стоило ей увидеть разбросанные по паркету кофты, свитера, майки... Миланова внутренне взвыла: *«Неужели опоздала?!»*.

— Фи-и-иса! Фи-и-иса, ты здесь?! — Клара сразу направилась в спальню подруги. Там, окружённая горой одежды, сидела Анфиса в наушниках. Клара замерла на пороге, нервно уставившись на неё. Пока соседка не замечала её, Мила-

нова заперла дверь, забаррикадировав вход уже собранными мешками.

Наверное, шуршания за спиной всё же привлекли внимание Свитской, ведь вскоре она заметила Клару.

— Фиса-а-а! — Миланова разрыдалась как по щелчку, накинувшись на подругу с объятиями. — Ты стерва, но ты хороша-а-а-ая, Фиса, Фисочка, я клянусь, что, чтобы не случилось в будущем, всегда поддержу тебя... Ты тоже зовёшь меня глупенькой, но я же не обижаюсь... Прости, прости, я дура, была пьяна и наговорила лишнего... Я просто приревновала, понимаешь? Потому что заметила — он тебе тоже понравился. И Марк с тобой такой ласковый... Если вы будете вместе, я вас поддержу и буду подружкой невесты!

— Клара, — Анфиса попыталась вырваться, но хватка подруги была настолько крепкой, что разделить руки можно было разве что клещами.

— Да? — шмыгая носом, Миланова жалобно посмотрела на неё.

— Отпусти меня.

— Не пущу! Ты сбежишь! — в отместку она ещё сильнее прижалась к Анфисе. — Если бы знала, что так бу-у-удет, то никогда бы не влюблял-а-а-ась в него! Я не хочу тебя терять, Фиса, Фиса, Фиса, ну что мне сделать, чтобы ты меня простила?

— Ничего, — Свитская скинула с себя чужие руки и направилась на выход.

— Ну хотя бы не переезжай, разве тебе некомфортно жить со мной? Арендная плата хорошая, удобно добираться до работы... Фисочка-а-а!

Анфиса всё же вырвалась. Она пёрла как танк, её было не остановить, что бы Клара там ни несла. И только когда на полу увидела маленькую голубо-белую упаковку мармеладок, наконец, замерла. Отчего-то Свитская не смогла отпихнуть их так, как другие препятствия. И она замедлилась.

— Их сюда принесла ты? — она осторожно подняла сладость, разглядывая мультяшную мордочку зверушки на упаковке.

— Да... — Клара подошла к ней, встав рядом. — Ты подарила мне её. И всегда заботилась. Ты грубая... немного, но я не хотела бы, чтобы мы стали чужими друг для друга. У меня нет друзей дороже тебя... Мир?

Анфиса хмыкнула:

— Я останусь, но не смей заходить ко мне в комнату без разрешения.

— Но...

— Разговаривать по пустякам тоже не надо, — Свитская всучила ей мармеладки, после чего собрала раскиданные по коридору вещи и закрылась в комнате.

«Похоже, будет нелегко... По крайней мере, она останется», — вздохнула Клара, печально взглянув на пакет с закусками, — *«Надо бы убраться здесь»*.

Тем временем Анфиса, прятаясь в своей конуре, ду-

мала совсем не о недавней ссоре с Кларой.

— Что она имела в виду, когда сказала, что «он мне тоже»?! — Свитская медленно сползла по стеночке вниз. Слова подруги били по вискам, как колокола, извещая то ли о новом часе, то ли о пугающем смущении и стыде, охватывающем её каждый раз, стоило подумать о тёплой улыбке Марка вперемишку с холодной издёвкой во взгляде, когда она говорила ему грубости невпопад.

— Чёрт, я даже не помню, что наговорила тогда...

Проснувшись утром в постели, а не на холодной лавке, Анфиса была чуть ли не в истерике от смущения. Воспоминания подкидывали картинки того, как Марк держал её на руках, как помогал снять верхнюю одежду. Кажется, она сказала ему что-то обидное, но вот что конкретно — никак не могла вспомнить. Печальное и даже какое-то оскорблённое лицо коллеги запечатлелось у неё в памяти и покидать её чертоги явно не собиралось. *«Почему я вообще думаю о том, обидела его или нет?! Сам виноват! Я ни при чём!»*, — внутри поднялась какая-то детская злчность, из-за которой Анфисе хотелось винить все-все деревья, травку и солнышко в том, что она чувствует то, что её сводит с ума.

И тут, в минуту молчания, словно по велению волшебной палочки, пришло сообщение от младшей сестры.

Анька: [(скриншот переписки в анонимном чате)]

Анька: [Смотри, просто ор]

Анька: [Он оказался школьником, а притворялся таким опытным ахаха]

Анька: [Пётр — эт я, если что]

Девушка некоторое время просто тупо смотрела в экран. На ум пришла неадекватная на взгляд прежней Анфисы идея: «Да, не я одна такая странная, в анонимных чатах полно всяких чудиков. Почему бы и нет?»

Анфиса Свитская: [Спасибо]

Анька: [???

Анька: [чё]

Поддавшись спонтанному вдохновению, Свитская открыла на компьютере самый популярный чат и, последовав примеру сестры, при регистрации выбрала мужской пол, имя — Анатолий (так звали дядю), а возраст... ну, возраст помладше (а почему нет). Чтобы интереснее было.

— Главное не думать, зачем я это делаю, тогда всё встанет на свои места.

С одним из собеседников Анфиса ныла из-за повышения цен на продукты, с другим — про высокие ставки на ипотеку. Спустя шесть часов она поняла, что в разделе простого общения ей не расслабиться. Хотя женщина, рассказавшая про свои кредиты, будто новый мир ей открыла.

По итогу, Анфиса перешла в раздел флирта. В этот раз

диалоги были такие же забавно-странные, как и у Аньки. В какой-то момент Свитская взялась за анализ данных: почему люди вообще сидят в таких чатах, как долго могут продержаться? Ответы на эти вопросы Анфиса сделала целью на выходные.

Так и пролетело время. Помимо перерывов на еду, туалет и сон, она полностью погрузилась в так называемое «исследование». И очень даже успешно. С одним из собеседников Анфиса переписывалась дольше, чем с остальными.

Бэки: {Ты любишь женщин постарше, мальчик?}

Анатолий: {Пока не пробовал}

Бэки: {Что не пробовал?} Я могу всему тебя научить... если ты понимаешь, о чём я)}

Анатолий: {Не понимаю...}

Бэки, как она просила себя называть, была дамой лет сорока, пришедшей в анонимный чат для развлечения. Она флиртowała с «юным студентиком Анатолием» до тех пор, пока Анфиса, едва ли не сгорая со стыда, раскрыла свою настоящую личность. Такое скопление похабного флирта в одном месте она давно не видела.

Бэки: {Так ты девочка! Чего ж ты забыла тут? Нормальных мужчин здесь не найдешь, это я тебе как эксперт говорю}

Анатолий: {Долго рассказывать}

Бэки: {Я не спешу}}

На удивление, после её неловкого признания они хорошо поладили: Бэки тоже увлекалась научной литературой, много читала в студенчестве, а ещё мечтала о том, чтобы заново выйти замуж и родить дочку. Слушая рассказы анонимки, Фиса отчего-то ощущала себя так, будто погружается в сюжет очередного фильма или сериала.

Бэки дала ей свой айди в мессенджере — на этом они распрощались. Утром воскресенья Анфиса написала новой знакомой «привет» и стала ждать. Сообщение было прочитано практически сразу, но ответа долго не появлялось. Одна минута, две, семь... Свитская уже было подумала, что проблема в плохом соединении, но нет. Спустя десять минут ответ всё же пришёл.

BikeLivesMatters: [Привет, Анфиса)]

BikeLivesMatters: [Ты выспалась?]

Глава 6. Мокрые следы

Прошло почти три недели с той ночи в коттеджном комплексе. Дела шли своим чередом. Клара каждый день приносила что-нибудь вкусненькое в дом и часто готовила, чтобы задобрить соседку. В конце концов, лёд в их общении оттаял. Нет, по-старому уже не получилось бы, но Анфиса больше не шарахалась от предательницы — мало того, что здоровалась, так ещё и спокойной ночи желала. Дело было в том, что, во-первых, Свитская не смогла долго сопротивляться вкусной еде, а во-вторых, её терзало противное, как болотный ил, чувство — вина. Миланова же об этом не знала, искренне считая, что дело в её изысках — а оттого с каждым разом изощрялась всё больше.

Помимо этого, на работе дела тоже шли хорошо: общий эксперимент с нефрологами был назначен на начало следующего года, документация подготовлена, оставалось только ждать.

И ещё одна новость.

BikeLivesMatters: [Доброе утро, дорогая, не забудь пообедать сегодня]

Анфиса обзавелась новой подругой. Наверное, из-за того, что с мамой у них отношения так себе, Бэки и заняла то

место, где можно и поплакаться, и совета спросить, и душу вывернуть. Общаться с ней оказалось слишком комфортно — много общих интересов, грамотная, образованная, мудрая, ну просто мечта, а не женщина. Анфиса сама не заметила, как начала доверять ей. Да и Бэкки помогала забыть о том недоразумении с Марком. Не помня, что она наговорила в ту ночь, Анфиса боялась даже в глаза коллеге взглянуть. Совместный проект был закончен, они уже не общались тет-а-тет и ничегошеньки их больше не связывало, кроме лифта между этажами. Лишь завидев его в коридоре или, не дай бог, на занятии, Свитская с позором убегала. Со стороны она выглядела беззаботно, но внутри своенравную особу переполняли тоска и трепет. Отчего так — угадывать ей очень, очень, очень не хотелось.

И вот, оставшись одна в лаборатории, как обычно гоняя полимеры, Анфиса увидела, что в колбу падали не связанные радикалы, а слёзы Марка. Это стало последней каплей.

Анфиса Свитская: [Эй]

BikeLivesMatters: [Что такое?]

Анфиса: [Я не могу выкинуть одного человека из головы. Есть какие-то эффективные техники отпускания?]

BikeLivesMatters: [Боже мой, девочка моя, ты влюбилась?)]

Анфиса: [Я такого не говорила]

BikeLivesMatters: [Это же очевидно) Иначе бы ты не ста-

ла так часто спрашивать меня об этом]

Анфиса испуганно пролистала их переписку. И действительно, раз через раз приходился разговор о некоем человеке, из-за отношений с которым она не находила себе места. Марк? Она влюбилась в него? Серьёзно? По-настоящему? Как это возможно? Когда это произошло?

Благо мимо проходил Егор:

— Ты ещё здесь?

— А, что? — Анфиса сидела за ламинаром красная как рак.

— Скоро собрание аспирантов, — Егор просканировал её хитрющим взглядом. — А ты чего такая помидорошная?

— Иди куда шёл.

— Кому клубники ящик, кому от хуя хрящик... Я вообще-то помочь хотел!

— Чем ты мне поможешь? Святым духом? — буркнула она, стремглав кинувшись в конференц-зал. Тем временем на телефон бесперебойно продолжали приходить сообщения.

BikeLivesMatters: [Кто это? Твой коллега из лаборатории??]

BikeLivesMatters: [У него есть девушка?]

BikeLivesMatters: [Эй! Ты почему вышла из сети!]

BikeLivesMatters: [Фица!!!]

В пустом конференц-зале из окна сквозил мягкий белый свет. Из-за своего состояния Анфиса не удосужилась уточнить, во сколько же начинается собрание. Но сидеть в одиночестве ей тоже было не шибко комфортно. Образ Рагушева преследовал её и здесь: вот он, с зачёсанными назад волосами, стоял перед ней, наговаривая кому-то голосовое сообщение. Его длинные изящные пальцы держали телефон, как... как... Голос его ложился на уши, словно изящная мелодия, и кадык при этом двигался туда-сюда, туда-сюда... Свитская сглотнула, когда её взгляд проследовал ниже. *«Почему мои фантазии такие реалистичные?!»*

— День добрый, — её фантазия села напротив и улыбнулась, невинно моргая голубыми глазёнками.

— Д... д... — она замерла, как испуганная собачонка. Он настоящий! Всё это время был!

— Замёрзли? — а Марк говорил с ней как ни в чём не бывало. — Вроде, кондиционер выключен.

— Нет, нормально, — Анфисе с каждой минутой становилось всё беспокойнее. *«Как мне общаться? Неужели он просто забыл о той ночи?.. Говорю так, будто мы переспали! Чёрт возьми, Фиса, вспоминай, что ты ему наговорила! Он выглядит дружелюбно, может, не всё так плохо...»*

— То-о-очно. Вы же просили держать дистанцию! Как я

мог забыть! Простите-простите, Анфиса Сергеевна, — с той же милой улыбкой ответил он, после чего продолжил с кем-то переписываться.

От одной этой фразы у Свитской кишки свернулись в трубочку: «*Всё настолько плохо?!*». Пока её процессор соображал, что делать, в нос ударил тёплый, сладковатый аромат шампанского и шёлка, исходявший от Рагушева. Мужчины редко пользуются такими ароматами, но Марку он шёл.

«*Не верится даже, что он сам их выбрал...*», — эти мысли были подобны горькому соку, льющемуся на сердце. Противному, странному и крайне непривычному для Анфисы.

— Не знала, что т... Вы пользуетесь духами, — скрипя зубами, прошептала Анфиса. И тут же пожалела. Это же их первый разговор спустя долгое время...

— Духами? — Марк удивлённо принялся к вороту рубашки. — Вот же ж. Это моей младшей. Она приходила сегодня на ночёвку.

— Ясно, — и правда, девушка припоминала о том, что у Рагушева четыре младшие сестры. — Мне нужно отойти, — грубо ответила Свитская и с каменным выражением лица вышла из комнаты.

«Центр всех проблем» удивлённо посмотрел ей вслед:

— Вам плохо?

Краснея со стыда, Анфиса злобно прорычала:

— Нет! Скоро вернусь!

Выйдя из туалета, Свитская оперлась о раковину, в про-

страции глядя на собственное отражение — лохматое, с пурпурным румянцем, разлившимся по щекам, и искрящимися глазами, из которых вот-вот польются слёзы:

— Я так скоро с катушек поеду. Он ведёт себя так, будто ничего не было! Словно я... я не говорила ничего... Это же хорошо. Все стороны сделали вид, будто ничего не произошло. Но это так... так бесит! Я... неужели я и правда влюбилась в него? Ужасно.

Наконец-то пришла пора признать, что Бэкки права. Марк её привлекает как мужчина. Она никогда не предполагала, что окажется такой влюбчивой особой. Ведь они только недавно начали тесно общаться. Но одно осознание потянуло за собой другое:

— Мы работаем вместе. Он нравится Кларе, так нельзя. Но если он ей отказал... В конце концов, мы работаем вместе! — она посмотрела на одно из последних сообщений от Бэкки. — Или стоит сказать Кларе? Да. Я поставлю перед фактом. По крайней мере, нужно хотя бы попробовать. Если бы я боялась брать желаемое, ничего бы не добилась. Хотя зачем мне это нужно... Нет, я не могу выбросить его из головы. Боже, так изнуряет, лучше бы я тратила энергию на работу.

Анфиса вернулась в зал. К тому времени все уже сидели на своих местах. Так как собрание аспирантов было ни о чём, Анфиса витала в облаках.

Она была невинной в плане отношений. Максимум цело-

валась с мальчиком в старших классах, а на выпускном обжималась с ним в подсобке. Тот парень тяжело пыхтел ей в шею и лапал грудь как штангист-тяжелоатлет, пытающийся танцевать балет. Весь настрой пропал, и Анфиса бросила паренька, безжалостно оставив его разбираться со своей проблемой в штанах самому. Тем вечером она классно провела время, танцуя всю ночь на балу, и ни о чём не жалела.

Спустя пару лет Свитская могла только рассказывать чернушные анекдоты и посмеиваться над глубоко интимными отношениями других. Но, как говорится, в каждой шутке есть доля правды — Анфиса не стремилась к отношениям, но и не боялась их. Если бы Марк не был её коллегой, они бы не были вынуждены работать вместе... Если бы их обоих не знало так много людей... Впрочем, этих «но» слишком много. Она в таких делах осторожная: пока не убедится, что это взаимно, что парень надёжный, и что в крайнем случае можно всё свести к шутке — ни за что не полезет.

Пока что Марк попадал под два пункта, из-за чего Анфиса уже не могла так просто отказаться от того, чего ей очень хотелось. Удивительно! За то время, что они успели пообщаться, Свитская поняла, что, если бы на них упал метеорит или наступил бы зомби-апокалипсис, она смогла бы доверить этому нерадивому хаски свою жизнь.

«Есть ли какой-то способ прощупать почву?.. Если, скажем, я спросила бы о чём-то... Или поговорила бы о том дне и прояснила бы ситуацию. Да. Почему нет, это же вполне

себе ожидаемо, что я буду чувствовать себя виноватой... Нет, ладно, в это поверить будет сложно, но я придумаю причину», — поток сознания продолжился и после собрания.

Впихнувшись в лифт с другими ребятами, она краем уха уловила разговор двух аспиранток:

— Видела, что в чате пишут?

— А что там пишут?

— Сотрудники могут ходить в наш зал бесплатно по вторникам и воскресеньям.

— Ого.

— Так завидую... Один там что-то написал, а второй, из клеточной биологии, ему и отвечает: «Да я уже давно так делаю. Каждое воскресенье хожу».

Услышав «клеточной инженерии», Анфиса наострила уши, но девушки уже сменили тему на предстоящие экзамены. Делать было нечего, поэтому Свитская сама залезла в чат НИИ — и действительно, человеком, который говорил о том, что ходит в зал по воскресеньям, был Марк. *«Я готова уверовать, если совпадения будут повторяться. Отличный шанс поговорить с ним».*

В воскресенье в 17 часов Марк пришёл в спортивный комплекс. Раны от прошлой гонки уже зажили, поэтому он явился на тренировку впервые спустя две недели. Когда он вышел

к бассейну с полотенцем в руках, то ещё не знал, что его тут очень долго ждала одна особа.

Анфиса надела свой единственный купальник — оранжевый бикини, купленный в последний год учёбы в университете — и солнечные очки. Схоронившись на лежаке, она обмахивалась веером, боясь ненароком себя выдать. Свитская ждала его с самого открытия. И вот наконец!..

— Я уж подумала, в чате соврали, — пробормотала купальщица, поглядывая на обнажённый торс Марка. — Чёрт, а почему я вообще прячусь?!

Вот как к Деве Марии тогда Гавриил явился — сказал: мол, радуйся, ты благословенна. Так и Свитской сейчас крылатого гонца не помешало бы. Чтоб хоть кто-то подсказал, что делать дальше. Весь её план состоял в «случайной встрече» с любимым коллегой, а потом и диалог завязался бы. Но внутренняя гордость и стыд не позволяли ей просто взять и подойти.

Анфиса Свитская: [Привет. Если помнишь, я говорила об одном человеке. Предположим, чисто теоретически, я и правда влюбилась, и пришла в спортзал в то же время, что и он]

Анфиса Свитская: [Как мне начать разговор?]

Анфиса Свитская: [Мы не особо близки. В последний раз я наговорила ему лишнего. Он издевается, припоминая это, а я даже не помню, что было]

Анфиса Свитская: [Бэки//]

Бэки всё не отвечала. Анфиса минут десять судорожно обновляла чат в надежде увидеть хотя бы какое-то наставление, а Марк тем временем вышел из бассейна и направился к раздевалке.

Свитская вперилась взглядом ему в спину, молча рыдая от безысходности: *«Это конец. Он уходит?»*

По закону всемирного равновесия, каждую секунду, одновременно с одной паникующей леди, хотя бы один джентльмен идёт в туалет. Марк не исключение. Да и раз уж он заглянул в раздевалку, решил заодно телефон проверить.

— Хм?

Анфиса: [Привет. Если помнишь, я... (развернуть)]

О да, милая Бэки — это он. Удивительно, невероятно, никто не ожидал такого поворота событий! Особенно непосредственный участник драмы.

Когда Рагушев проснулся после вечеринки, привёл его в чувства не литр воды с углём, а то, что в анонимном чате он вёл переписку со Свитской, которая притворилась Анатолием и заигрывала с многодетной матерью Бэки, которая...

История сразу настолько закрутилась, что он не осмелился признаться. Да и, сказать по правде, Марку до боли в зобу было интересно, какой Свитская может быть, если отбросить всё их неловкое и травматичное знакомство, диалоги неурядицы, рабочие отношения... Так всё и закрутилось.

Чем больше они общались, тем больше Марк понимал, что без всех этих ссор и предрассудков Анфиса довольно... милая? Она избегала его на работе, но всегда особенно нуждалась в советах «Бэки». Рагушев чувствовал себя словно кошка, наблюдающая за аквариумной рыбкой — та была маленькой, яркой, постоянно вертелась: то тыкалась в стекло носом к носу с хищником, то удирала на дно. Даже обида как-то поуменилась. Роль тайного друга или, надо сказать, подруги, ему пришлась по душе. Слабый огонёк, что потух в ту холодную ночь, разгорался с новой силой день за днём. Марк этому всячески способствовал вплоть до этого момента.

— «И я правда влюбилась», хах, — не в силах сдержать рвущуюся наружу улыбку, Рагушев кашлянул в кулак. — Она говорила обо мне... — мысль о том, что он ей нравится, Марку пришлась по душе. Даже больше — он почувствовал такой восторг и силу, будто в него влили пять литров энергетика.

Ухмыляясь себе под нос, он вернулся в бассейн. И правда, Анфису видно за версту. Она ж одна тут в солнечных очках, чудачка.

Тем временем Свитская всё сидела как неприкаянная над

погасшим экраном. Кажется, она была в отчаянии, поэтому не сразу среагировала, когда над её головой раздался голос Марка:

— Тоже занимаетесь, Анфиса Сергеевна? Рад видеть знакомые лица. Будете плавать или уже всё?

— Буду, — только и смогла произнести девушка. Телефон выпал из рук. Тело будто окаменело, а все лишние мысли выветрились из головы.

— Умеете плавать на спине? Я всё учусь, но мне не хватает мнения со стороны, — почесав затылок, «неловко» пробормотал Рагушев.

— Да, конечно, я очень хорошо плаваю. Пойдёмте, — будто поймав заветную бабочку, Анфиса закружилась вокруг этой темы. Что и почему происходит её уже не волновало — в этот момент чувства пересилили волнение.

— Правда? Вот спасибо!

— Кха-кха... Не за что. Мы не на работе, поэтому давай на ты, — тихо процедила девушка.

— Ладно, — Марк растянул уголки губ, смотря на неё до неприличия пристально.

Объясняя то, в чём она хороша, Анфиса не парилась по пустякам. «Бэкки» поняла это почти сразу, поэтому грешно пользовалась. Рагушев не давал девушке ни минуты покою, постоянно вовлекая во что-то, в результате чего пара довольно мирно провела время. Никаких драм — сплошная комедия в трёх действиях с прологом и эпилогом. И только

когда часовая стрелка остановилась на цифре восемь, они вышли из спорткомплекса.

— С тобой было весело. Спасибо за помощь, — улыбнувшись ей, Марк начал увлечённо копаться в телефоне.

— Да, мне тоже, — тихо ответила Анфиса, пряча покрасневшие на морозе щёки. Когда морок спал, она опять донельзя смутилась.

— Любишь кофе?

— Да... — потерянная в мыслях Свитская отвечала, особо не раздумывая.

— Тогда пойдём сюда, — Марк хитро сощурил глаза, после чего указал на красную точку в картах. — Это в десяти минутах от спорткомплекса.

— Да, конечно... погоди, что ты сейчас сказал?!

— Рад, что ты не против, — подхватив растерянную девушку под локоть, он потащил её вперёд. — Знаешь, сегодня я был так рад узнать, что ты не ненавидишь меня.

— Что?! Когда это я тебя ненавидела?! Сказала... тогда?

— Верно.

— Забудь об этом! Я была пьяна и несла полную чушь. Мы с Кларой сами разберёмся, ты тут не при чём.

— Вот как, — Рагушев резко остановился, отчего Свитская едва ли не врезалась в него. — Тогда буду рад с тобой ладить.

— Взаимно. Но не думай, что я стану закрывать глаза на спорные рабочие моменты. Личные отношения — отдельно,

работа — отдельно.

— Что ж, в таком случае я тоже, — он наклонился к ней ближе, обдавая дыханием лицо девушки, — не пощажу тебя.

Домой Анфиса пришла замёрзшая: красный нос, губы в трещинах, руки-ноги ледяные. Но внутри — будто все сладости мира осели на сердце сахарной корочкой. Сияла.

— Ты пришла? — Клара выбежала из гостиной с улыбкой на губах.

Счастье Анфисы тут же рассыпалось в прах. Да. Клара. Больше так нельзя.

— Послушай... — Свитская опустила глаза в пол. — Тебе больше не надо... так стараться. Я уже не знаю, кто из нас виноват больше и виноват ли вообще.

— Вы теперь вместе, да? — Клара смиренно улыбнулась. — В последние дни Марк выглядит счастливее, чем раньше. Это... приятно видеть.

— Что?! Нет! Мы не вместе! — Анфиса запнулась. Глядеть в эти спокойные глаза было всё равно что мучать себя. Но она продолжила, — Может, ты сейчас подумаешь, что я всё это специально, ну и всё такое... Но ты же сама в начале не отступила — призналась. Вот и я не хочу отступать. Я не буду просить тебя поддержать меня, просто хочу, чтобы ты знала. Прости. Не пытайся добиться от меня прощения,

я недостойна.

Клара умиротворённо прикрыла глаза:

— Я уже сделала свой выбор, ты же знаешь, — она горько улыбнулась. — Мужчина, который меня не любит, и подруга, которая дорога мне так же, как моя семья. Я не хочу больше... примешивать в наши отношения ревность. И если это сделает вас двоих счастливыми, то я поддержу тебя.

У Свитской покраснели глаза от подступающих слёз, а в носу защипало.

— Кончилась, что ли?! — прошипела она. — Почему не злишься? А?! Ты не в дораме, что за смирение! Да даже если бы ты ударила меня прямо сейчас, я бы поняла! Дура!

— Неправда!

— Правда! — Анфиса схватила её за руку и подставила лицо. — Давай, бей, вырази всю свою злость!

— Да не хочу я... — чем больше Клара пыталась вырваться, тем сильнее Свитская сжимала запястье подруги. — Со всем дурная?..

— Бей уже!

— Вот же ж прилипла... — свободной рукой Миланова дала щелбан. — Всегда почему-то думаешь, что люди должны на тебя злиться. В моей жизни ещё появится тот, кто выберет меня и полюбит такой, какая я есть. Вижу по твоим глазам, ты не понимаешь, почему я так резко изменила мнение. Я много думала. На это было достаточно времени. И сейчас я хочу, чтобы ты сделала лучший выбор для нас дво-

их.

— К-какой?

— Не сдавайся! — Клара взяла её лицо в ладони. Сказала — и вложила в эти слова всё: и поддержку, и остатки своей безответной любви. А потом просто обняла.

И жизнь покатила дальше.

На следующий день на работу Анфиса пришла в настолько хорошем расположении духа, насколько это вообще возможно. Машенька и Егор к тому времени уже ошивались в лаборатории:

— Отчего же Несмеяна сегодня такая счастливая? — Егор толкнул её локтём под рёбра.

— Была счастливой, пока тебя не увидела, — достав ноут, Анфиса быстро пробежалась глазами по свеженькому документу — нужно закрыть все бумаги до нового года, чтобы начать эксперимент сразу после новогодних выходных. Сначала она читала спокойно, но с каждым словом всё больше очки лезли на лоб. — Кто так пишет? Это вообще по какому стандарту написано?

— По ГОСТу всё.

— Да никто так не пишет! Скажи номер ГОСТа, щас мы посмотрим, какой это там ГОСТ! Кто это заполнял?

— Не ругайся раньше времени, заполнено и правда по

всем правилам. Человек старался, — в дверях появился Марк в красном халате и в смешной шапочке. Облокотившись о дверной косяк, он стоял, скрестив руки на груди.

— А ты его почему защищаешь?! — раздражённо, но с крайне широкой улыбкой выкрикнула Анфиса.

— Лаборатория клеточной инженерии и биополимерных разработок будет работать над этим проектом вместе. С 1 января. Не знала? — и сверкнул белозубой улыбкой.

— А сейчас-то ты что здесь забыл?!

— Фиса, ну ты даёшь, — Егор сложился пополам со смеху. — Сейчас же корпоратив у нас на этаже. Забыла, что ли?

— Что? — Свитская посмотрела на дату, затем на уведомление от приложения календаря, после на новогодние украшения, развешанные на стенах кабинета и, в конце концов, на праздничные наряды свои коллег. — Уже двадцать седьмое?! Скоро Новый год?!

Она растерянно крутила головой из стороны в сторону, отовсюду встречая сочувствующие взгляды.

— Бо-о-оже! То-то я думал, почему ты не переделась! — от продолжительного смеха Егор уже не говорил, а пищал, как умирающий тюлень. — Слуги, тащите кринолин и пудру, королева пойдёт голышом!

— Его-о-о-ор!!!

Тем же вечером сотрудники лаборатории биополимерных разработок объяснили, что Егор заболел и не сможет присутствовать, а у Свитской появился новенький праздничный

КОСТЮМ.

Глава 7. Угадай, что покажу

После новогодних праздников, которые Свитская вместе с сестрой провела на даче у Клары, разверзся самый настоящий бюрократический ад. Оформление отпусков на год вперёд, договоры на стажировки, прочие документы, которыми до этого никто не хотел заниматься, подготовка к весенне-летним научным конференциям, и это не говоря уже об основной работе.

Одно радовало: теперь Анфисе специально не нужно придумывать повод, чтобы встретиться с Марком — ведь с некоторых пор каждую среду у них свидания. Правда, без свечей, еды и романтических признаний. Ну вот как сейчас: на них смотрит куча народу — участники проекта, в том числе эти, из ЛБД, в общем, человек десять. Но это не важно. Главное — настрой!

Что вообще за проект? Лаборатория биополимерных разработок (ЛБР) должна создать полимерную конструкцию, которая позволит равномерно смешивать компоненты клеточного клея для сшивания тканей. Клей, соответственно, предоставит Лаборатория клеточной инженерии (ЛКИ). В конце прошлого года Российский Научный Фонд одобрил финансирование и, начиная с января этого года, план работ и прочее были расписаны на три года вперёд, в том числе доклинические испытания, публикации статей Q1-Q2 и фи-

нальный отчёт по результатам испытаний. Весело — не то слово.

Пока что со стороны подразделения Свитской работы было немного, основное внимание уделялось клею и ходу его разработки. Вещал Марк и руководительница Лаборатории биодизайна Агафья Викторовна. Анфиса же, пока время позволяло, просматривала техническое задание турков, с которыми наконец-то был заключён договор. Тимофей Колаич назначил её ответственным исполнителем по задачке с вирусными векторами. Мол, она копалась в «вирукторах» ещё в прошлом году, поэтому пусть продолжает. В июле Свитская поедет к заказчикам в Турцию, чтобы представить результаты, а пока её единственная задача — успешно жонглировать всеми делами одновременно.

Рядом с Анфисой перешёптывались Клара и Егор, Марк с руководительницей ЛБД беседовали напротив, по левую и правую стороны от них — прочие сотрудники трёх лабораторий. Короче, все на своих полюсах болтали либо о работе, либо о своём о личном. Свитская большую часть времени сидела, уткнувшись носом в ноутбук, поэтому ей было невдомёк, что она сама стала объектом чьего-то пристального внимания.

Машенька знала, что пялиться на людей нехорошо, особенно на церберов за работой, но... Но на всё это Машеньке было плевать с высокой колокольни. Она до сих пор помнила, как Марк ни с того ни с сего пришёл в их лаборато-

рию перед корпоративом — причём не по работе, а, как выяснилось, просто поболтать! И до этого он их цербера искал. Лично приходил, лично! Они долго разговаривали наедине и что творили — непонятно. На праздновании Клара Вениаминовна пригласила её старшую коллегу за стол ЛКИ, Марк Владимирович держался рядом с цербером. И каждый раз, когда у Свитской заканчивалось шампанское, он спрашивал, не нужно ли подлить. Когда все напились, Машенька сквозь помутнённое сознание видела, как Анфиса и Марк под белы ручки выносят отключившуюся Клару. Продолжение ни той, ни другой истории Машенька не застала, из-за чего фантазия её улетела далеко в дремучие дебри.

И вот все праздники она так много думала, ну так много думала об этих двоих, что стала фанаткой этой пары. Мир для неё сразу заиграл новыми красками! Анфиса и Марк ругаются? Это потому, что они хотят лучшего друг для друга! Игнорируют? Это всё потому, что они влюблённые голубки и просто-напросто боятся, что не смогут сдержать нахлынувших чувств! Машеньке всегда говорили, что у студентов-медиков личную жизнь кастрируют при поступлении — так оно и было. И вот так, в обычные студенческие будни, думать, что где-то там, рядом, ходят герои её личной мелодрамы, было чертовски приятно.

Из мира сладких грёз девочку выдернула Ксения Валерьевна Висмут, женщина лет тридцати с тонкими бровями и выраженными скулами. О ней можно говорить долго. Но

суть проста: она — глава ЛКИ. Без её ведома — ни шагу.

— У нас всё. У кого-то ещё остались вопросы, предложения?

— Йа! — Егор поднял руку и загадочно улыбнулся, отчего Свитская и Миланова дружно закатили глаза. Без предыстории тут не обойтись. Как-то раз этот весёлый паренёк раскопал скандал с некоторыми преподавателями на одной кафедре, которые специально заваливали студентов на экзаменах, чтобы потом брать с них за нужную оценку деньги по следующему тарифу: удовлетворительно — двадцать тысяч, хорошо — пятьдесят тысяч, отлично — восемьдесят. Егор раздул это так, что лавочку прикрыли, а виновных — под суд. Так что его широкая улыбка означала только одно: новая сочная сплетня готова.

— Давай побыстрее только, — Ксения Валерьевна сдержала смехок, уже предвкушая, о чём пойдёт речь. — Мы тут все серьёзные люди, которые обсуждают серьёзные вещи.

— Бесспорно. Это очень серьёзно. Вы что, мне не верите? — чопорно пробасил он. — А я серьёзен. Вот вы знали, что к нам хочет прийти СМИ-отдел? Говорят, у них сейчас мало материала для группы, и их лидер заявила, что якобы проведёт ребятам экскурсию. Кажется, они хотели не только к нам, но ещё и на седьмой этаж, ну, в ту самую закрытую зону. Услышал — обзавидовался! А потом подумал: «Почему же они так уверены?», и начал собственное расследование... как оказалось, СМИ-отдел всё устраивает законно, есть под-

пись самой Ксении Валерьевны и даже заместителя директора... — он повернулся к ней, — но вот вопрос, Ксюш Валерьевна, ты вообще в курсе об этом?

Анфиса и Клара повернулись друг к другу и тяжело вздохнули. Но слушать от этого не перестали.

— Ко мне никто не обращался и уж точно не давал на подпись никаких бумаг, — нахмурилась Висмут. — За седьмой этаж вообще другие люди отвечают.

Егор пожал плечами:

— Они говорили так, будто уже всё решено. Подделывание подписей — это, конечно, серьёзное дело.

— Наглость — второе счастье, вот уж точно, — пробормотал Марк, после чего уже громко сказал, — пусть приходят. Мы разве не искали помощников? Там надо оборудование с первого этажа перетаскать.

— Марк! — Ксения панибратски пихнула Рагушева в плечо, а затем посмотрела на Егора. — Я посмотрю, кто у них такой умный. Это всё?

— Докладываю: с этим — пока да!

— Ой-ли, чего Вы боитесь, Ксения Валерьевна? Они же не трудоустраиваться идут, в этом случае половина сразу же пошла бы на три весёлые буквы... — внезапно ворвалась в разговор молчавшая до этого Наташа, сотрудница ЛБД, устроившаяся работать в НИИ ещё во времена учёбы в университете. — Тут хоть ждать их будут.

Нудное разглагольствование Наташи прервало голодное

урчание. Машенька схватилась за живот, смущённо опустив голову:

— Извините, я не успела поесть.

— Так, дорогие коллеги, официальная часть встречи закончена, кто спешит, может идти, — Ксения постучала пальцем по столу. Вслед за ней пять человек сразу встали и бежали на обед. Висмут, выключив диктофон, повернулась к тем, кто остался. — Идите тоже.

— Что-о-о-о? А ты? — удручённо захныкал Егор.

— Позже.

— Пойдём уже, отстань от Ксюши, — попрощавшись с остальными, Анфиса потянула его за собой. Взгляд задержался на Марке, снова вовлечённого в разговор. Жаль, не с ней. После встречи в бассейне они ни разу не оставались наедине, не болтали просто так и не переписывались. Не то, чтобы Свитская ждала, что они сразу станут лучшими друзьями, но... чувство, что всё могло сложиться по-другому, не отпускало её. Разве не так обычно бывает во всяких романтических фильмах? Одно радует, теперь у неё тоже есть заботливая старшая, которой можно пожаловаться и попросить о помощи, в лице Бэки. С мамой она так не поговорит.

— Фиса? — Клара погладила её по плечу. — Ты чего?

— Да так, ничего. Идём.

У Анфисы уже созрел план, как заставить любимого коллегу смотреть только на неё.

Во время новогодних праздников у Рагушева с матерью состоялся экстравагантный разговор.

На календаре было второе января. Подарочная упаковка конфет с Дедом Морозом и его верным красноносым оленем валялась на полу у ванны. Кристально чистая тарелочка с грецкими орехами стояла на столе, а пустые бутылки вина — возле входной двери, впрочем, как и восемь пар обуви обитателей этой старенькой квартиры.

После бурного празднования Марк проснулся в пять часов утра и первым делом отправился за водичкой. Зевая, он только прицелился чайником в кружку, как вдруг из-за спины раздался сиплый женский голос:

— Ко-о-огда приведёшь её знакомиться?

Кипяток плеснул на майку-алкоголичку и подарочные трусы с ёлочкой. Рагушев чуть не улетел на небеса, ощутив тяжёлое дыхание на затылке.

— Мама!!! Зачем подкрадываешься? Смерти моей хочешь?!

Анна Ивановна, женщина лет пятидесяти с хвостиком в шапочке для сна, фыркнула.

— У-у-ужас! В могилу меня сведё-ё-ёшь! Самый старший, а после Юльки найти никого не может. Думала я. Но ты вчера весь вечер в телефоне сидел и улыбался, аки идиот треклятуший.

— Мама!

— А что, я не права, что ли? Когда ты приведёшь её знакомиться?

— Мама...

— Господи боже мой! — она схватилась за сердце. — Ты что, ещё не признался?! Как я вырастила тугодума?! Скорая, скорая, вызовите скорую, хотя нет, лучше полицию, потому что у моего сына украли сердце и совесть!

— Не начинай. Это моё дело... там всё не так, как ты думаешь.

— Кто она?

— Коллега.

— И почему ты медлишь?

— Она милая, но... — Рагушев схватился за голову, — не знаю, хочу ли менять свой ритм жизни. Всё же я долго был один.

— Ага, то есть ты хочешь быть свидетелем на её свадьбе? Жди дальше, скоро у тебя там внизу всё отвалится.

— Да всё не так!!! Мама, хватит вмешиваться в мои отношения! Я тебе о-о-очень благодарен, но прекрати. Когда буду готов, сам всё расскажу.

— Маркуша, распиздяй ты мой драгоценный, разве ты не любишь рисковать? Почему же сейчас такой неуверенный?! Ты жену хочешь или чтобы я тебе мозги выедала?

— Очень самокритично...

— Марк! Я могла бы сказать, что хочу внуков, но молчу

же!

Марк закрыл лицо руками, недовольно пыхтя:

— Мама! Хватит! Будут тебе внуки, но не сейчас. Я вообще за водой пришёл!

— Нет, ну а что? — Анна Ивановна с грохотом поставила чашку на стол. — Я не права, что ли? Ты говоришь как-то слишком неуверенно, будто тихое существование — мечта всей твоей жизни. Где мой сын, кто его вчера пропил?!

Разговор бы не кончился, что бы Марк ни ответил. Но новогоднее чудо, видимо, существует — на крики сбежались остальные домочадцы, из-за чего Анна Ивановна наконец сжалась над сыном и отпустила подобру-поздорову.

Случай бы забылся. Но Лера Корчагина на следующий же день — в кафе, втроём с Марком и Артёмом — взяла и ляпнула:

— Как там Анфиса? Что-то изменилось в ваших отношениях?

— И ты туда же...

— Это кто? — непонимающе уставился на них Корчагин.
— Что за Анфиса?

— Она упала на этого, — Лера ткнула пальцем в висок Рагушева. — Помнишь, я говорила, что его мотоцикл придавил?

— А-а-а! Та девушка. У вас всё серьёзно, да? — вновь обратился к другу Артём, глотнув пива.

— Погоди, погоди. Ты вообще не слушал! Мы не встреча-

емся пока, так что давайте перестанем говорить о моей личной жизни, окей, да, спасибо, вы такие замечательные друзья.

— Он сказал «пока не встречаются», — прошептала Лера на ухо мужу.

— Ага. Я тоже слышал. Значит, он это планирует, — также шёпотом ответил Артём.

У Марка задёргался глаз:

— Вообще-то, я вас слышу.

— Да мы шутим, Марик. С новым годом! — Артём чокнулся с ним, — Правда, на тебя не похоже. Обычно ты бы рассмеялся и сморозил шутку, а тут так взбодрился.

— Да-да, я просто пошутила. Больше не будем, честно, — вслед за мужем Лера тоже подняла свой бокал. — С новым годом!

— Ага... С новым счастьем...

Получив два удара подряд, Рагушев теперь как ни пытался, не мог забыть об Анфисе. Переписываясь с ней от лица Бэкки, он и так о ней не забывал, а теперь прям наваждение. Свитская косвенно призналась ему в любви, но никогда вслух не намекала или не говорила, что хочет отношений. Симпатизировать человеку и быть с ним вместе — всё же разные вещи. Марк много говорил о том, что «не хочет менять свой ритм жизни», но на самом деле главным спонсором его тревоги были истинные намерения прекрасной златовласки. Чего хотела она? Флирта, безобразной недосказан-

ности, физической близости? Имел ли значимость именно он и мог ли на его месте оказаться любой другой мужчина? Конечно, он мог спросить об этом напрямую через Бэкки, но считал это неправильным. Скрывать свою личность до сих пор — ошибка, а нарочно выманивать личную информацию из девушки — ещё хуже.

Время шло, а Марк всё не находил себе места. Поговорить по душам — времени нет. Зато в голове — рой мыслей. Откровенно говоря, Рагушев докипел до той кондиции, что был готов целовать и душить Свитскую одновременно. Этому способствовала и сама девушка, намеренно расшатывая его хрупкую психику. Вот возьмём недавний случай.

Шёл конец января, после очередной встречи Марку пришлось задержаться в кабинете, чтобы структурировать материалы. Свитская почему-то осталась. Но если бы она просто осталась, он бы не бесился с этого случая! Каждый раз, когда Рагушев что-либо делал — вставал, садился, брал ручку или отпивал кофе, Анфиса томно говорила:

— Ну, Марк Владимирович, ну как же так? Ну, Марк, ну что же ты творишь? Ну нельзя же так... Ну Ма-а-арк!

— Хватит, — Рагушев старался говорить спокойно, но по его голосу было слышно, что он еле держится.

— Ну, Марк Владимирович, ну почему же Вы так говорите, ну Ма-а-арк, ну как же так...

Тут «любимый коллега» не выдержал и, резко встав с крутящейся табуретки, подошёл к Анфисе вплотную:

— Что происходит, я тебя обидел? Если так, то извини конечно, но ты сама говорила, что мы не будем смешивать личное и рабочее.

— А что, если нет? А что, если да? — с вызовом спросила Свитская, полусонно распахнув глаза. Она медленно моргнула, отчего со светлых ресниц скатилось пара капель слёз. — Спорим, ты даже не помнишь, что сделал не так. А я ведь говорила об этом пару минут назад, но кто же будет слушать. Конечно, не Вы, уважаемый исследователь.

Марк пронзил её холодным взглядом, но ничего не ответил. Догадываясь, что всё это часть некоего плана, о котором девушка упоминала Бэкки, он с трудом, но держался. Любопытство качалось на тикающей бомбе. И вот-вот должно что-то перевесить. Осталось недолго.

— Что, язык прикусил?

— Это явный саботаж и провокация. Иди отдохни, а? — наконец выдавил из себя Рагушев, настойчиво подталкивая собеседницу к дивану. Её близость настолько же раздражала, насколько была приятна. — Посмотри на себя, еле на ногах держишься. Кашки в детстве мало ела?

Анфиса заторможено захлопала ресницами и, накрыв руку Марка своей, прочно прижала её к своему животу. Ладонь мужчины была тёплой, большой и, казалось, обладала волшебным эффектом. Свитская смущённо отвернулась:

— Я вообще... не ела с утра.

— Что? — Марк выглядел искренне растерянным, столк-

нувшись с этими огромными слезящимися глазами. — Не завтракала даже? Сейчас же полчетвёртого!

— Не завтракала, — послушно повторила за ним Анфиса.

Рагушев сжал губы в тонкую линию. Оглядев девушку с ног до головы, он осторожно вытащил свою ладонь из чужой хватки и достал из шкафа плед. Сначала он хотел его просто вручить, но видя, что Свитская сейчас была в состоянии агрессивной перепёлки, уложил её сам.

— Ты что делаешь... — сонно пробормотала она, не в силах сопротивляться зову Морфея.

— Поспи. Я закажу нам... еду, — Марк беспомощно уставился на спящее личико девушки. — Ладно, выберу на свой вкус. Не жалуйся потом.

Сидя за столом, Рагушев заказал всего по мелочи: мясо там во всяких соусах, макароны из твёрдых сортов пшеницы, острую закуску... Сначала он выбрал то же самое и Анфисе, но, задумавшись на секунду, вместо этого взял ей овсяную кашу с ягодами, йогурт, хрустящую брускетту с листьями салата, чуть кисловатым соусом и ломтиками красной рыбы.

Оформляя заказ, он не удержался и взглянул на спящую красавицу ещё раз.

На задворках сознания пронёслась мысль: «Если бы мы были вместе, то таких моментов... было бы их больше?»

Спустя час с лишним Анфиса проснулась. Рядом с диваном стоял пакет с ещё тёплой едой, записка на котором гласила: «Самый лучший закат — это закат моих глаз, а не чей-

то жизни. Денег не надо. Ешь впредь больше, пожалуйста». Свитская с минуту пялилась на записку, а затем с широченной улыбкой на губах спрятала её в карман. По дороге в лабораторию всё содержимое пакета Анфиса спрятала в надёжном месте. Брускетта была очень вкусной, сытной и на голодный желудок пришлась идеально.

В окно постучал февраль с его переменчивой погодой. Анфиса получила на попечение две студенческие группы. Биоинженерия — не тот предмет, который любит каждый, поэтому с самого начала Свитская построила жёсткую дисциплину, по старой схеме запугивая детишек экзаменами и предстоящими зачётами. Но старшие-то курсы примечили: их родная церберша как-то сдала. И кровушки на клыках не видать, и под лапами никаких задушенных надежд. «Будто Снегурочка растаяла», — сказал кто-то, а это распространилось по студенческим чатам.

Она и сама это чувствовала, стоя у доски. На неё смотрели по-другому. Добрее, что ли.

— ...Мы с вами пройдемся по всему, что будет на экзамене. Слушайте внимательно, ходите на занятия, и у каждого будет допуск. Также, — аспирантка широко улыбнулась, чем привлекла внимание всей группы, — если хотите что-то сказать, то говорите. Если не знаете — тоже говорите. Главное

— попробуйте это делать. В молчанку будете потом играть.

— Анфиса Сергеевна, а какой план занятий?

— Он на столе. Пусть староста сфотографирует и пришлёт всем...

За пределами кабинета стоял Тимофей Колаич вместе с молодым мужчиной с мотоциклетным шлемом в руках.

— Марк Вадимыч, почему Вы так рано уходите? Ещё и семи нет! Как не стыдно, хо-хо-хо. Ох уж эта молодёжь! Я думал, Вы серьёзнее проверите работу Анфисочки, хо-хо-хо! — старый профессор похлопал мужчину пару раз по плечу, как нерадивого мальчишку.

— По личным обстоятельствам, Тимофей Николаевич, — вежливо отстранившись, Рагушев бросил на него холодный взгляд. — Вы, я вижу, ясновидец? Бабушка хотела назвать папу Вадимом, но, увы, стал Владиком. Так что любезно прошу называть меня Марк Владимирович. Что касается Анфисы Сергеевны... она отлично справляется, это очевидно с первого взгляда, и мне незачем за ней следить.

Разыгралась немая сцена, в которой персонаж Т. К. неловко икнул, явно не ожидая такой дерзости, а персонаж М. В. аристократической походкой покинул кадр.

Марк встретился у ворот НИИ с молодой девушкой лет двадцати с короткими чёрными локонами и бледной кожей. Она выглядела так, словно сама Белоснежка сошла со страниц книги.

— Заползай, Наташ.

— Братец мой ненаглядный, Маркушенька-душенька, ты самый-самый-самый! Ты ведь знаешь об этом?! — Наташка захлопала в ладоши и тут же нацепила на голову шлем. — А ты правда отпросился ради меня? Правда?

— Да. Садись уже.

— Тогда мне надо праздновать день рождения каждый день!

— М-м-м.

— А вкусенького купим? В девять придёт пять человек. Мы с Таней купили что-то, но может не хватить.

— Купим.

Заводя мотор, Марк вдруг подумал о трёх «и вот»:

И вот, как хорошо было бы объехать здание с другой стороны, куда выходят окна учебных кабинетов.

И вот бы увидеть в этих окнах силуэт свирепой девушки с золотой косой и то, как сосредоточенно она рассказывает материал пары.

И вот, пора признать, что надо исправляться, ведь для джентльмена не рискнуть подойти к даме — как-то по-свински.

Глава 8. Кис-кис-кис

Увидев, как она мило надула губки с чуть плаксивым выражением лица, кровь внутри Марка вскипела, а в паху разлилось обжигающее тепло.

— Что ты делаешь? — грубовато спросила Анфиса. Кажется, он и сам не заметил, как засмотрелся на её блестящие глаза. Она выглядела такой нежной и хрупкой, будто сладкая вата — с виду пышная и нарядная, но стоит лишь коснуться её, как она сжимается, оставляя кусочки сахара на кончиках пальцев.

— Марк, алё! Глаза выпучил, как идиот.

Если он подойдёт к ней ещё ближе, в нос ударит сводящий с ума аромат. То ли цветочный, то ли восточный. Запах её кожи.

— Эй, не молчи! Я с тобой разговариваю.

Её плечи так близко. Они острые, гибкие. Хочется держаться за них, гладить по шее. Девушка перед ним — слишком соблазнительная, слишком красивая, слишком умная, интересная, милая, добрая...

Марк отступил на полшага, нарочно избегая взгляда. Может, со стороны это выглядело как гнев, но на деле Рагушев еле сдерживал себя от того, чтобы не поцеловать ту, что стояла напротив. Потом, подобно коту, он бы тёрся носом о её волосы и мурлыкал, слушая биение их сердец.

«Мурлыкать? Серьёзно, Марк? Я так с катушек слечу...», — Рагушев закрыл лицо руками, не в силах заглянуть, к своему стыду, в штаны.

Анфиса же, перекатывая между пальцами ткань новой рубахи, шепнула на ухо:

— Ма-а-арк... О Ма-а-арк... проснись, пора вставать! Проснись, проснись, проснись!

И Марк проснулся, скатившись с кровати на пол.

— Тс-с-с, вот чёрт, зачем я поставил сюда тумбу?..

※※※

В выходные три девушки — а именно, Анька, Клара и Анфиса — отправились на художественную выставку. С тех пор, как Клара позвала Свитскую-младшую на новый год к себе на дачу, студентка плавно и незаметно влилась в их компанию.

— Эта выставка на два этажа?! — Миланова тут же вытащила фотоаппарат, судорожно снимая украшения из разноцветных палочек и стёклышек под потолком. Тень от них ложилась на стену в причудливых формах, создавая иллюзии и диффузии.

— Нет, на все три. Основную экспозицию убрали. — Анфиса протянула ей флаер с целой поэмой: про тему, про художника, про то, откуда картины приехали.

— Кофма-а-ар! Мы воофще офилим эксуфсию?! — Ань-

ка вертелась волчком вокруг сестры, разрываясь между двумя крайностями — кусать сэндвич и нести мысль в массы.

— Если не осилим, деньги уйдут в никуда, — Свитская с умным видом поправила очки, смерив оценивающим взглядом девчонок.

— Да... — Клара схватила за живот, у неё началось несварение из-за стремительного убывания денег на карте.

— Кхе-кхер!.. О-о-о, быстро я проглотила, блина. Запить бы. А, хотя не надо, — Анька искоса глянула на них. — Да господи, чего вы распереживались?! Какая разница-то? Ну уйдём и ладно, мучить-то себя не надо.

— Билеты покупала я, экскурсию выбирала я. Только попробуй свалить, кочерыжка ты безмозглая.

— От просрочки слышу.

— Сэндвич тоже купила я.

— Его уже нет! Ничего не знаю!

Две здоровые девицы, одна поехиднее, а вторая постервознее, встали руки в боки друг напротив друга, источая лучи света и добра.

— Так... — Клара неловко встала между ними, легонько поглаживая их по плечам. — Не ссорьтесь.

— Мы не ссоримся, — Анфиса холодно фыркнула.

— Конечно, разве похоже, что мы ссоримся? Да я Фиску так люблю, что убить готова, — Анька в ответ тепло улыбнулась старшей сестре. — Верно, ма хорошая?

— М-м-м, — брезгливо протянула «старшая сестра». —

Не говори так, кишки сворачиваются.

— Ма хорошая, что не говорить? — пропищала Анька, уворачиваясь от приближающейся к ней шлёпки — файла с распечатанными билетами.

Когда началась экскурсия, три девицы были уже навеселе, и два часа пролетели легче, чем могли бы. После выставки они зашли в кафе и долго болтали обо всём на свете: о том, что картин в этот раз много, о том, что свет выставили хорошо, о том, что в зале миниатюр было холодно... И всё бы ничего, но каждые пять секунд — пиликание. Сообщения на чей-то телефон приходили с такой частотой, что это раздражало сильнее громкой музыки из ночной машины. Анфиса не выдержала:

— У кого это?

— Не у меня, — Анька показала экран телефона. Во всплывающих уведомлениях были сообщения из всяких студенческих чатов и анонсы книжных новинок.

— Не я... — Клара тоже показала. У неё было три или четыре оповещения о выходе новой серии дорамы, а также более десятка из читалки — о новых главах.

Пока Миланова и Свитская-младшая с интересом разглядывали, кто что читает, Анфиса смотрела на свой телефон глазами голодной лягушки. Бэки никогда так много не писала!

BikeLivesMatters: [Как успехи твоего плана по привлечению

внимания? Не поделилась успехами. Я тут готовила и вдруг вспомнила про это. Решила написать. Если он тебе нравится, значит, он не может быть плохим человеком. Но ты не переусердствуй, ладно? И прежде всего думай о том, как ты сама себя чувствуешь.]

Дальше шли какие-то пространные размышления на тему отношений, материнства, что она давно одинока и ничего такого не имела в виду.

— Кто пишет? — заглянула в переписку Анька. — Это та с анонимного чата? Ого, вау, не думала, что вы до сих пор общаетесь.

— Нос кыш, а то отгрызу, — Свитская клацнула зубами, от чего мелкая с залиivistым хохотом отстранилась.

— Да чего я там не видела?! Поопытнее тебя буду в переписках с незнакомцами! — отмахнулась Анька.

— Точно, ты говорила, что любишь зависать в анонимных чатах! — поддакнула Клара.

— Думаешь, это всё, на что я способна? — мелкая с вызовом посмотрела на поклонницу корейских сериалов. — Более сотни прочитанных книг с тегам «друзья по переписке», «знакомые незнакомцы», «онлайн-роман» — это не шутка.

— Ясно, вот чем ты занимаешься вместо того, чтобы учиться, — Анфиса особо не смотрела на них, а всё листала и листала переписку с искренним недоумением.

— Я отличница, мне всё можно. Клар, во-о-о-от, слушай,

обычно в таких историях двое тайно переписываются, не зная личностей друг друга, а затем влюбляются. Их мучают сомнения: а вдруг они влюбились не в человека, а в картинку? А вдруг в жизни он окажется совсем не тем, кем притворялся в сети? Но вот чего они не знают — так это того, что в жизни они уже знакомы. И общаются. Ни слишком близко, ни слишком далеко. Так, посередине. Герои могут быть врагами, коллегами, бариста и клиентом, врачом и пациентом, студентом и преподавом, один может знать о существовании другого, а второй нет. Но, так или иначе, они прочно связаны красной нитью судьбы, которая в один момент сведёт их вместе и расставит все точки над «и»!..

— Как вульгарно, — буркнула Анфиса. — У меня совсем не так. Мы с Бэки не виделись лично, но она замечательная.

— А что, слабо её позвать куда-то? Неужели втайне боишься, что твоя милая подружка Бэки окажется скуфом?

— Провоцируешь меня, зараза. Я на такое не ведусь.

— Ну и пожалуйста. Тебе слабо проверить, что ли? Ради сестрёнки?

— За каждую провокацию, которую я снисходительно прощаю, минус пятьсот рублей на карманные расходы. У тебя уже минус полторы, — язвительно гаркнула Анфиса в сторону сестры. Клара же тайком сфоткала их конфронтацию, попивая свой моккачино — она наконец осознала, как правильно реагировать на этих двух орлиц.

— Эй! Нечестно! Я ж любя, сосисочка, муа.

— Переживай лучше об экзаменах, а что делать со своими друзьями и как к ним относиться — я сама решу.

Миланова охнула:

— Точно, у тебя же экзамены скоро, Ань?

— Скоро. Чё вы напомнили-то... — девчушка угрюмо свесила нос. — Все вместе готовятся, группками какими-то, а я так ни с кем и не подружилась. Так, болтаю иногда с ребятами, но это другое.

Анфиса вскинула бровь:

— Подумаешь, одной заниматься — прямо-таки проблема мирового масштаба. Я вот всегда одна ходила и из группы своей уже мало с кем общаюсь, так, по учебным вопросам иногда. Ничего, нормально. Сдала всё, как видишь. И ты сдашь. Умная, способная, а дурочку рядом с нами включай, перед преподами не надо.

— Фис, у вас всё же разные... м-м-м, ситуации, — мягко начала Клара, — Аня...

— Опять я гребу всех под себя, да, да, да, — вспомнив спор с Рагушевым по вопросам педагогики, юная преподавательница подсдулась. — Всё будет хорошо. Если не с этими, так с другими поладишь. С начала учебного года прошла всего пара месяцев, вам вместе учиться не один год, так что не зарекайся раньше времени. Всё будет.

— Ого, ты... правда меня подбодрила? Без прикола? — полуприкрыв веки, Анька театрально хлопнула ладонью по лбу. — Анфиса Сергеевна, в последнее время Вас не узнать!

От столь пылких комплиментов именуемая особа отреклась сарказмом:

— Я Вас тоже не узнаю что-то, — подмигнув Милановой, Свитская встала и принялась собирать вещи. — Извините, случайно подцепила от сестры привычку болтать с незнакомцами, мы с подругой, пожалуй, пойдём, а Вы тут оставайтесь, конечно. Пойдём, Клар.

— Как меня в это втянули?.. — подавилась смехом «со-участница».

— Фи-и-иса! Моя язвуча вернулась! — Анька накинута на неё с крепкими объятиями.

— Пошевеливайся, мы и правда засиделись.

Всю дорогу до дома Свитская думала лишь об одном: неужели чувства так сильно повлияли на неё, что она совсем размякла? Тухля она или тварь грозная? По своей сути эти вопросы не имели никакого смысла, ведь Анфису не заботило мнение окружающих. А с научной точки зрения её интересовало вот что: насколько влюблённость влияет на вредность и домашние замашки? Вопрос был такой любопытный, что она в тот же вечер вынесла его на обсуждение с Бэкки. К тому же, интернет-знакомая очень интересовалась, как у них всё продвигается с Марком.

Они живо обсуждали, как гормоны счастья на мозг действуют, и чем это в итоге аукнется. Спустя два часа Свитская поняла, что в отношениях с Рагушевым не сильно-то и продвинулась, а ещё, что Бэкки слишком уж интересуется ими.

В голове на миг вспыхнули слова Аньки о романах со «знакомыми незнакомцами», но она быстро их отогнала:

— Да ну нет, бред собачий. В жизни так не бывает.

И легла спать.

Рабочая неделя после закрутилась насыщенная. Егор сел на нефрологов, Машенька на свои кривые руки, а Анфиса, как робот, проверяла контрольные студентов, пока не написала Анька с «треш новостями, которые сто пудов важнее работы».

Анька: [Девочку из параллели подставила подруга прямо на её др, а потом со своим мч настроила против неё ребят и распустила неприятные слухи. Я крч пизды ей за это дала, воот]

Анька: [Жду теперь, когда директор учебной части согласует время нашего свидания]

Анька: [Не бей меня слишком сильно// зато мы с ней поладили, будем вместе ходить в библиотеку]

Анфиса Свитская: [Ты справилась с проблемой так, как посчитала нужным. Скажи директору, как есть, и привлеки группу тех ребят к ответственности.]

Анька: [И всё? ^^]

Анфиса Свитская: [Верю в тебя]

Анька: [Капееец, спасибо огромное!!! Щас расплачусь (((Ты такая ванильная, так непривычно))]

В это же время вторая участница данного виртуального разговора сидела на скамейке в парке рядом с девушкой, похожей на Белоснежку из мультфильма тридцать седьмого года. Её глаза были красными и опухшими от слёз, а брови нахмурены, как у маленького белого кролика.

— Что сказал твой брат, Наташ? — Анька протянула салфетку, когда новая знакомая начала захлёбываться соплями.

— Он нашёл номера родителей Лиды, Никиты и тех троих. Я... я пока не знаю, стоит ли писать им. Как-то стыдно, — всхлипывая, Наташка посмотрела на список номеров и имён, присланный контактом «Маркушенька-душенька». — Сказал, что если не я, то он сам потом с ними свяжется.

— Они тебя на деньги хотели развести, это где такое видано?! Мошенничество вообще-то преступление. А Лида эта дура душой, раз помогает жулику. Остальные — толпа безмозглая. Сказать их родителям — самое милосердное, что вообще можно сделать. По факту, пойдёшь ты в полицию и предъявишь видео с днюхи и переписки в качестве доказательств — они вообще бы в тряпочку молчали.

— Ты... ты права! Разнылась я совсем. Да пошли они все!

— Правильно! Такие крысы в доме не нужны. Моя старшая, кста, тоже поддерживает идею их наказания.

— Сколько ей?

— Двадцать пять. Она красивая, умная, периодически добрая, но такая трудоголичка!

— А кем работает?

— В науке. Полимеры гоняет.

— Забавно, мой брат тоже научный сотрудник, плюс преподаёт. Я бы предложила их познакомить, но с некоторых пор у него только одна коллега на уме.

— Служебный роман, получается.

— Да не, он медлит. Слышала, как на новый год мама кричала, что такими темпами он шафером её станет.

— Это общая черта всех учёных, аха-ха-ха. Фиска моя тоже на коллегу поглядывает, но кукиш с маслом пока, —Анька глянула на Наташку и поняла, что все эти разговоры о старших родственниках её заметно расслабили, поэтому вдохновение нахлынуло взрывной волной. Она протянула собеседнице руку с хитрящей улыбкой. — А давай поспорим, кто быстрее добьётся успеха? Твой брат или моя сестра.

— На что спорим? — на лице Наташки наконец расцвела улыбка.

— На коньяк с кофе.

— Я, вообще-то, не пью...

— А, ну, тогда на другое что-нибудь...

— Давай лучше на кофе с коньяком?

— Заметано!

Как говорила Василиса из мультика, любовь — это когда то в жар бросает, то в холод, и дыхание прерывается. Вот

и у Марка прерывалось, стоило только посмотреть Анфисе Сергеевне в глаза. А она теперь сама на него в упор смотрела своими большими карими глазёнками. Он, вроде как, её не высматривал, а она взяла — и сама чаще попадаться стала. Но как только всё доходило до какого-то двусмысленного момента — тут как тут другие люди. И всё, прощай возможность.

Теперь он сидел, закрывая лицо руками и тихо мыча. Комплексное воздействие работы и Свитской возобладали над здоровьем, мучая его головной болью. Внезапно Рагушев почувствовал тень над головой, а затем перед ним появилась тонкая женская рука с бутылкой воды.

— У меня есть обезбол.

— Анфиса?.. — что-то в груди у Марка торкнуло. — Что ты здесь делаешь?

— Просто шла. Если тебе так плохо, то иди домой. Не нужно на работе больным расхаживать.

Как в тумане он посмотрел на воду и всё же принял её.

— Я сделаю всего пару глотков. Спасибо.

В коридоре было светло, дневной свет пробивался сквозь окна в пол. Очки отсвечивали, так что Рагушев не видел глаз девушки, но почему-то он знал, что та смотрит прямо на него. И в этот же момент все сомнения в его сердце схлопнулись.

— Анфиса.

— Слушаю.

— Я тебе сейчас отправлю одну статью, посмотри, пожалуйста. — С каменным выражением лица он уткнулся в телефон. Через пару секунд из кармана халата Анфисы раздался звук уведомления. — Взгляни.

Свитская открыла присланную ссылку и начала читать. Это было нечто, написанное в 1997 году, причём по теме сыра, копчения и лактобактерий. Полная праведного негодования, девушка прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Я надеюсь, ты прикалываешься. Зачем мне на это смот... — и тут она увидела имя абонента. «BikeLivesMatters». Бэки. Её многодетная подруга. — ... реть, — от шока Анфиса потеряла дар речи, выронив телефон из рук. Девушка просто совместила всё, что наболтала онлайн, с личностью своего тайного друга, и её как кипятком ошпарило. Потому что про Марка она, оказывается, наговорила... всё. Включая то, что ни одному живому человеку не рассказывала. Только «Бэки». И что в бассейне она ждала его специально!

«Какой стыд, его перекроет только гробовая доска. Чтоб я исчезла...», — Свитская даже разозлиться не успела, вся её голова теперь была забита башней из тысячи слов «он знает».

Тем временем Марк времени даром не терял — пока девушка была растеряна, он затащил её в учебный класс и запер дверь. Когда Анфиса поняла это, было уже поздно. Она сидела за ученическим столом, вся красная, как помидор:

— Ч-что ты делаешь?..

— Анфиса, посмотри на меня, — Марк сел возле неё на колени, а затем медленно взял её руку в свою, не сжимая, давая ей вырваться в любой момент, если та захочет. Затем он немного осмелел и поцеловал прямо в центр её ладони, глядя Анфисе в глаза. Медленно приблизил руку девушки ко рту и начал покрывать лёгкими поцелуями её безымянный палец, не отрывая при этом от неё взгляда.

— Мне щекотно, п-постой... — когда Анфиса без особого энтузиазма попыталась отдернуть руку, Марк крепко сжал её запястье.

— Если отпущу тебя сейчас, ты сбежишь, — его голубые глаза выглядели как лёд на дне океана. Тёмный, холодный и крайне глубокий. — Изначально я не знал, что общаюсь с тобой. Мы поспорили с ребятами, что я зайду в чат-рулетку и притворюсь женщиной. Ты столько всего рассказала о себе. А когда я узнал, что ты — это ты... я... просто не смог рассказать. Мало ли, что ты могла сделать, если бы узнала. Да и мы тогда плохо общались...

— А потом ты решил посмеяться надо мной.

— Это не так! Ты мне нравишься.

— Все вы так говорите!.. Отпусти... — несмотря на слова, пальцы девушки робко сжались, окутанные чужим теплом.

— Ты говорила со мной как хабалка. Если бы не «Бэкки», возможно, я никогда бы не узнал, что ты можешь быть такой милой. И думал бы, что ты ненавидишь меня.

— С этой точки зрения всё сложилось лучше некуда, по-

тому что ты мне врал.

— Ложь бывает разной. Белой, чёрной, серой, розовой...

— Розовую ты сам придумал?

— Типа того. Это искренний наёб с добрыми намерениями.

— Так и запишем в судебном иске.

— Анфиса, не хмурься, морщины рано появятся...

— Может, оно мне надо! Чего ты прицепился?! Отойди уже, свет загораживаешь!

— Анфиса... как насчёт того, чтобы встречаться?

— Я больше не вижу в тебе плюсов, наглый обманщик.

Когда аспирантка перестала дёргаться для вида и замерла в ожидании, наблюдая, что же ещё Рагушев собирается сделать, мужчина положил её руку на сердце и медленно, но верно повёл её ладонь вниз. Дыхание Анфисы перехватило. Когда до мужского достоинства оставалось пара сантиметров, Марк остановился и переплёл их руки у себя на груди:

— А так? Плюсов стало больше?

— И со сколькими девушками ты это делал? — не удержавшись, прыснула желчью Анфиса.

— Только с тобой.

— Врёшь. У тебя были отношения.

— Ревнуешь? — Марк хитро улыбнулся и, приблизившись к лицу Свитской, свободной рукой приподнял очки на лоб.

— Да неужели, догадался! Какой молодец! Возьми с по-

лочки пирожок!

— Если полочка — это твои колени, то я не против...

Марк мягко рассмеялся ей на ухо. Анфиса даже не сразу сообразила, когда он успел подобраться так близко. Обжигая горячим дыханием, Рагушев промурлыкал:

— Ты хочешь мои губы сейчас?

— Как ты превратил простую фразу в пошлятину?!

— Родовой талант. Передаётся с молоком матери всем мужчинам моей семьи.

От его дыхания Анфисе щекотало шею. Девушка вздрогнула, а затем, послушно закрыв глаза, потянулась к губам Марка. Обхватив другой рукой его затылок, она притянула мужчину ещё ближе. Поцелуй показался ей волшебным, немного шершавым, но таким, что с каждой секундой хотелось всё больше и больше. А ещё этот страх, что сейчас дверь откроется. Адреналин зашкаливал. Через минуты три Марк разорвал поцелуй, внимательно рассматривая спокойное, милое лицо перед собой. Глаза девушки были чуть влажными, взгляд расфокусирован. Анфиса смотрела куда-то вниз, отчего её ресницы-бабочки красиво трепетали.

Марк вдруг поцеловал её в веко, обнимая крепче, сковывая девушку, будто в тисках:

— Теперь ты не сможешь сбежать, — шептал он, уткнувшись носом в её волосы.

— Куда я теперь убегу, блять.

Из горла Марка вырвался хриплый смех. Он тихо сказал:

— Если бы не место, то я бы точно продолжил, — чуть отстранившись, напоследок поцеловав девушку в подбородок, Рагушев властно заявил. — Теперь ты обязана взять на себя ответственность за мою опороченную честь.

Не дав Анфисе возмутиться, Марк тут же с улыбкой добавил:

— Я в любом случае возьму ответственность, поэтому... ты теперь моя, Фиса.

— Ну что так сразу? Я тоже так заявить могу, — улыбаясь ему в ответ, Анфиса обняла Марка за талию и хлопнула по заднице.

— Хе-хе, — довольно присвистнул он. — Заявляй. Я только за.

— Вечером поговорим. Можешь задержаться?

— Могу, но что мне за это будет? — улыбаясь, сказал Рагушев, снова ловя её руки в свои и опять переплетая их пальцы вместе.

— А если подумать?

— У меня сейчас кровь отлила от мозгов, если ты успела заметить, — игриво проурчал он.

— Вообще, да. У меня тоже, — Анфиса тут же рассмеялась так, что из глаз искры посыпались. — Просто подожди меня. Я же правильно поняла, что мы теперь встречаемся?

— Правильно, — нежно ответил Марк. — Правильнее некуда.

В рабочем чате пришла общая рассылка с просьбой выполнять единые требования в отчётах и так далее, и так далее... А если кому-то трудно, то милости просим «обсудить другие способы взаимодействия с Университетом».

— О, твой отчёт привели в пример, Фис. — улыбаясь, воскликнул Марк.

— М-м-м. Значит, можно не читать, — Анфиса убрала только что разблокированный телефон обратно в карман джинсов. И, повернувшись к мужчине, быстро чмокнула его в щёку. — Пойдём на свидание.

— Как насчёт концерта при свечах? Я видел один интересный анонс...

Глава 9. Смех и грех

Шлёпая подошвами по тротуару, Марк с Анфисой брели по снежной улице. Они жили не в масляной картине, не на чёрно-белой фотографии, а в реальности, в которой по странному стечению обстоятельств решили разделить один асфальт, одно место назначения и одно светлое чувство.

— Где ты оставил мотоцикл?

— Недалеко отсюда есть парковка. А вот и наш театр, — Рагушев сравнил точку на карте с тем, что видел перед собой. Это было старое здание в серых оттенках, украшенное лепниной.

— Закрыто, — Анфиса подёргала ручку массивной деревянной двери. — Там на другой стороне кофейня, давай зайдём. До начала тридцать минут, вряд ли они будут долго тянуть с открытием.

Перебежав зебру, пара оказалась в кофейне. Внутри пахло апельсинами, сахаром и, конечно, эспрессо макиато. Вероятно, заведение являлось своеобразной «точкой притяжения» молодёжи, потому что народу в очереди стояло много. Марк, во избежание курьёза, отправил Анфису за столик — любоваться цветочками, а не прожигать бариста взглядом за то, что тот не принимает заказ сию секунду.

К тому времени, как сладкая парочка выползла на мороз, двери концертного зала уже открылись.

Внутри здание выглядело как старый антикварный магазин. Камерный зал с зелёными шторами, искусственные свечи, маленькая сцена со скрипкой, контрабасом и пианино — царила эдакая атмосфера вампирского логова. Свитская быстро увлеклась наминанием руки своего новоиспечённого парня и не обращала внимания на прочие недостатки. Она твёрдо для себя решила, ничто не сможет испортить ей настроение.

Концерт начался на пятнадцать минут позже. В основном играли Моцарта, «Времена года» Вивальди, а на бис две композиции Бетховена. Свитская слушала и ей даже нравилось. Но всё же большее удовольствие она получала от того, что рядом сидел Марк и что перед каждой композицией он наклонялся, чтобы представить автора. Тихое дыхание щеколало мочку уха, мужское плечо казалось одновременно чуждым и родным, а его голос — невероятно нежным.

Однако, в очередной раз наклонившись, вместо названия композиции Рагушев прошептал:

— Ты очень приятно пахнешь. Это... сексуально.

Она не знала, что сказать. Её просто прижали к груди. И они молчали до конца, наслаждаясь близостью друг друга.

Забрав мотоцикл после концерта, парочка направилась в «Сладкий рай». Кондитерская находилась недалеко от Пуш-

кинской на красивом участке улицы. Так что даже у окна сидеть было приятно: есть на что посмотреть, кроме этого бесконечного трафика на дорогах.

— Скажи а-а-а! — Рагушев поднёс ложечку с тортом к губам Анфисы. Та вздрогнула, едва не подавившись собственным куском.

— Не думала, что ты такой слащавый.

— Это оскорблiment? — Марк лишь рассмеялся и вот уже собирался убрать ложку, как его руку схватили и потянули на себя. Угощение оказалось у адресата. Свитская прожевала его с явным удовольствием на лице, после чего злобно зыркнула на Марка, мол «чего пялишься?»

— Что?

— Ни-че-го.

— Мне теперь и смотреть на тебя нельзя? Но я не могу... ты такая милая...

Приступ телячьей нежности прервал громкий кашель, практически отчаянный. Мужчина за соседним столиком вдруг сложился пополам, безрезультатно хватая ртом воздух. Его спутница испуганно заверещала:

— Жень! Жень! Давай я постучу! Ты правда дышать не можешь?

Марк тяжело вздохнул, откладывая прибор в сторону и подошёл к напуганной паре:

— Позвольте помочь, — он обхватил мужчину со спины и надавил кулаками на живот, пока тот не выплюнул кусок

пончика.

— Спасибо, спасибо, молодой человек! Вы врач? Как вас зовут? Если вы ещё не оплатили заказ, давайте я заплачу за вас в благодарность, — спасённый повернулся к официантке. — Принесите, принесите мне их счёт! Я заплачу. Спасибо, молодой человек.

Марк вернулся на место и, заметив, что Анфиса уже всё доела и теперь смотрит на него, схватил их куртки и шёпотом сказал:

— Пойдём, ладно?

— Что случилось? Погеройствовал и ушёл.

— Фиса, пожалуйста, — Рагушев выглядел крайне смущённым.

Когда они выходили, в спины ещё доносились слова благодарности. Анфиса заметила, что Рагушев совсем скукожился. Лицо его выглядело так, будто он тухлые яйца учуял.

— Да уж... Не понимаю, откуда такая реакция.

— Когда меня называют врачом, я... в общем, это большая тема. Родители хотели, чтобы я стал хирургом, травматологом, а ещё лучше — земским! Чтобы всё и сразу. А я выбрал менее популярное направление, чтобы заниматься в основном наукой и преподаванием. Они были разочарованы тем, что у них не будет личного врача в старости, хах.

— Понятно.

— Нет, понимаю, звучит как бредовая причина, но ты не представляешь, наско-о-олько они были разочарованы, и по

сей день напоминают об этом. Особенно мама. Она говорит что-то, потом через пару минут забывает об этом и разговор начинается по новой... Ладно, не важно, просто стрессанул немного...

— Интересные факты, конечно, сейчас вскрываются.

— Это ещё не все интересные факты обо мне, — он переплёл их пальцы вместе. — Знала, что у меня дома живёт Заечка?

— Кошка?

— Ну почти.

— Котёнок, что ли?

— Нет, паук-птицеед.

— Неожиданно... а где она обычно сидит?

— В основном — в террариуме, но иногда я выпускаю её погулять.

Когда Марк окончательно отпустил ситуацию, спросил с улыбкой:

— Может, прокатимся? Смотри, ты, я, японец и закат. А? Как звучит?

— Японец будет подглядывать, получается.

— На закат мы будем смотреть, так что тут всё честно. Эдакий любовный треугольник.

Они каким-то образом добрались до мотоцикла, каким-то образом сели, а затем поехали по ночным улицам Москвы. Мимо Воробьёвых гор, мимо Цветного бульвара — ветер их лучший попутчик. Ближе к одиннадцати машин почти не

осталось, дороги опустели. Марк катился со скоростью черепахи, удирающей от удава, ведь на снегу легко упасть.

— Я покатаю тебя на по-о-олной скорости, когда станет теплее! — крикнул он за спину. — Не уходи, ладно?

— С чего бы мне уходи-и-ить?! — Анфиса прислонилась к его спине, положив ладонь между лопаток мужчины.

— Не знаю. Просто не уходи, ладно?

— Да не уйду я!

Они остановились недалеко от берега Москва-реки. По другую сторону стояли небоскрёбы, и яркие огни с них как брызги краски на холсте рисовали узоры в отражении во

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.